

У ПЕЩЕР, БОГОМ ЗДАНЫХ

Научно-богословское издание

№ 3 | 2023



Псково-Печерская духовная семинария

У ПЕЩЕР, БОГОМ ЗДАНЫХ

Научно-богословское издание
№ 3 | 2023

Издается с 2023 года
Выходит 4 раза в год



Издательство
Псково-Печерского
монастыря
Печоры, 2023

Pskov-Pechery Theological Seminary

AT THE CAVES, BUILT BY GOD

Scientific and Theological Journal
(U peshcher, Bogom zdannykh.
Nauchno-bogoslovskoe izdanie)
№ 3 | 2023

Founded in 2023
4 issues per year



Publishing House
of the Pskov-Pechersky
Monastery
Pechory, 2023

У пещер, Богом зданных: научно-богословское издание / Псково-Печерская духовная семинария Псковской Епархии Русской Православной Церкви. — Печоры : Издательство Псково-Печерского монастыря, 2023. — № 3. — 112 с.

Выходит четыре раза в год.

Специальности ВАК:

- 5.6.1. Отечественная история;
- 5.9.5. Русский язык. Языки народов России;
- 5.11.1. Теоретическая теология;
- 5.11.2. Историческая теология;
- 5.11.3. Практическая теология.

Статьи отбираются редакционной коллегией журнала на основе анонимного независимого двойного рецензирования.

Журнал индексируется в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ).

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации средства массовой информации: ЭЛ № ФС77-86423 от 11 декабря 2023 г.

— ISSN 2949-3404 (Print)
— ISSN 2949-527X (Online)

© Псково-Печерская
духовная семинария, 2023

At the caves, built by God. Scientific and Theological Journal. Pskov-Pechery Theological Seminary of the Pskov Eparchy of the Russian Orthodox Church. Pechory: Publishing House of the Pskov-Pechersky Monastery, 2023, no. 3, 112 p.

Four issues per year.

Research area (according to the List of Higher Attestation Commission of RF):

- 5.6.1. National History;
- 5.9.5. Russian Language. Languages of the Peoples of Russia;
- 5.11.1. Theoretical Theology;
- 5.11.2. Historical Theology;
- 5.11.3. Practical Theology.

Articles are selected by the editorial board on the basis of double blind peer review process.

The journal is indexed in Russian Science Citation Index (RSCI).

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications. Certificate of registration of the mass media: EL No. FS77-86423 dated December 11, 2023.

- ISSN 2949-3404 (Print)
- ISSN 2949-527X (Online)

© Pskov-Pechery
Theological Seminary, 2023

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Почетный председатель редакционной коллегии	Митрополит Симферопольский и Крым- ский Тихон (Шевкунов)
Главный редактор	
Маршева Л. И.	доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой древних и новых языков Сретенской духовной академии, фи- лологических дисциплин Псково-Печерской духовной семинарии
Редколлегия	
игумен Серапион (Митько)	доктор теологии, доктор богословия, канди- дат философских наук, профессор Общецер- ковной аспирантуры и докторантуры имени святых равноапостольных Кирилла и Ме- фодия, заместитель директора Высшей шко- лы юриспруденции и администрирования, профессор, научный руководитель Центра религии и права НИУ ВШЭ
священник Алексей Максимов	клирик храма святой великомученицы Ека- терины в Риме, доктор теологии (PhD) Папского Григорианского университета, старший преподаватель Сретенской духов- ной академии, приглашенный преподаватель (docente invitato) Папского Латеранского университета (Рим, Италия)

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Шмонин Д. В.	доктор философских наук, профессор, директор Института теологии Санкт-Петербургского государственного университета
Паласио М. Х.	доктор теологии (ThD), заместитель генерального директора Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы имени М. И. Рудомино по межрегиональному и международному сотрудничеству, руководитель Ассоциации «Святыни неразделенного христианства»
Петров А. В.	доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургская духовная академия
Савинов Д. М.	доктор филологических наук, профессор РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Никитин О. В.	доктор филологических наук, профессор, Петрозаводский государственный университет Государственный университет просвещения
Колесникова С. М.	доктор филологических наук, профессор, Московский педагогический государственный университет
Заведующий редакцией	Цырельчук К. А.

EDITORIAL BOARD

Honorary Chairman of the Editorial Board	Metropolitan Tikhon (Shevkunov) of Simferopol and Crimea
Editor-in-chief	
L. I. Marsheva	ScD in Philology, Professor, Sretensky Theological Academy, Pskov-Pechery Theological Seminary
Editorial board	
Hegumen Serapion (Mitko)	ScD in Theology, Sts Cyril and Methodius Institute of Post-Graduate Studies
Priest Alexy Maksimov	PhD in Theology, Sretensky Theological Academy, Pontifical Lateran University (Rome, Italy)
D. V. Shmonin	ScD in Philosophy, Professor, Institute of Theology of St. Petersburg State University

EDITORIAL BOARD

M. Kh. Palasio	PhD in Theology, All-Russian State Library for Foreign Literature named after M. I. Rudomino, Head of the Association “Holy places of undivided Christianity”
A. V.Petrov	ScD in History, Professor, St. Petersburg Theological Academy
D. M. Savinov	ScD in Philology, Professor, V. V. Vinogradov Institute of the Russian Language of the Russian Academy of Sciences
O. V. Nikitin	ScD in Philology, Professor, State University of Education, Petrozavodsk State University
S. M. Kolesnikova	ScD in Philology, Professor, Moscow Pedagogical State University
Head of the Editorial Office	K. A. Tsyrelchuk

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТЕОЛОГИЯ

М. И. НЕПОЧАТОВА

Научно-педагогическое наследие
епископа Исидора (Богоявленского) (1879 - 1949) 12

ПРАКТИЧЕСКАЯ ТЕОЛОГИЯ

К. В. БЕЛЫЙ

Особенности пастырского душепопечения во время совершения таинств
по материалам журнала «Руководство для сельских пастырей» 23

И. А. БЕЛЫЙ-КРУГЛЯКОВ

Первое соборное послание апостола Иоанна Богослова: богословский
и филологический анализ церковнославянского текста
(на примере избранного отрывка) 36

А. Е. ИВАНОВ

Ирмос 7 песни первого канона Святой Пятидесятницы
на церковнославянском языке
(богословский и лексико-семантический анализ) 43

Т. С. КИСЛОВ

Эсхатологическая составляющая легенды о граде Китеже 52

Е. И. ОКОРОКОВА, М. Н. РАХМАНОВА

Религиозные аллюзии в кинокартине А. Тарковского «Сталкер» 60

А. А. СЫЧЕВ

Отражение понятия «любовь»
в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» 67

РУССКИЙ ЯЗЫК

О. Н. ЛЕВУШКИНА

Как обрести «ключи от смыслов», или как научить школьников
понимать художественный текст? 77

И. Н. ПОЗЕРТ

Методический потенциал детских словообразовательных
и формообразовательных инноваций в преподавании русского языка 89

ИНТЕРВЬЮ

АЛЕКСАНДР И ЕЛЕНА МИХАЙЛОВЫ:

«Мы делали спектакль в стол...» (вопросы задавала И. Мелентьева)..... 97

CONTENTS

HISTORICAL THEOLOGY

M. I. NEPOCHATOVA

Scientific and pedagogical heritage of Bishop Isidore
(Bogoyavlensky) (1879–1949) 12

PRACTICAL THEOLOGY

K. V. BELYJ

Peculiarities of Pastoral Counseling during the Sacraments
on the Materials of the Journal “Guide for Rural Pastors” 23

I. A. BELY-KRUGLYAKOV

The first epistle of the Apostle John: theological
and philological analysis of the church-slavonic text
(based on the example of a selected passage) 36

A. E. IVANOV

Irmos of 7th Song of the First Canon of Holy Pentecost
in Church Slavonic (theological and lexical-semantic analysis) 43

T. S. KISLOV

Eschatological components of the Kitezh Legend 52

E. I. OKOROKOVA, M. N. RAKHMANOVA

The religious allusions in A. Tarkovsky’s film “Stalker” 60

A. A. SYCHEV

Reflection of the concept of love in F.M. Dostoevsky's novel
“Crime and Punishment” 67

RUSSIAN LANGUAGE

O. N. LEVUSHKINA

How to find the “Keys to Meanings”,
or how to teach students to understand a literary text? 77

I. N. POZERT

Methodological potential of children's word-formation
and formative innovations in teaching russian 89

INTERVIEW

ALEXANDER AND ELENA MIKHAILOV:

“We wrote performances “for the desk drawer” (interview by I. Melentieva) 97

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТЕОЛОГИЯ

НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ЕПИСКОПА ИСИДОРА (БОГОЯВЛЕНСКОГО) (1879–1949)

НЕПОЧАТОВА МАРИНА ИВАНОВНА

КАНДИДАТ ТЕОЛОГИИ, ДОЦЕНТ КАФЕДРЫ ТЕОЛОГИИ Института филологии Московского
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА (Россия, Москва)
M.NEPOCHATOVA@MAIL.RU

АННОТАЦИЯ: в статье рассматривается научно-педагогическое наследие епископа Исидора (Богоявленского), уникальный педагогический опыт и богословская подготовка которого сделали возможным назначение его в бытность протоиереем Иоанном на должность первого ректора возрожденных ленинградских духовных школ. Вынужденная эмиграция священника в Эстонию обернулась возможностью получить уникальный опыт преподавания в различных духовных и светских учебных учреждениях, который впоследствии оказался востребованным, когда в результате беспрецедентных гонений на Церковь вновь открываемые духовные школы испытывали острую нужду в педагогически подготовленных преподавателях. Выбор пал на протоиерея Иоанна, к тому времени ставшего автором многочисленных богословских трудов, а также пособия по Закону Божьему, рассчитанного на шесть лет изучения предмета. Проведенный анализ пособия прот. Иоанна показывает, что оно представляет собой образец стройной методической системы, отвечающей самым высоким требованиям богословской акрибии, не теряет своей актуальности и сегодня как отличный материал для изучения истории отечественной православной педагогики, а также как базис для преподавания различных предметов духовной направленности и ведения приходской работы с детьми и молодежью. В статье делается также краткий анализ отдельных обстоятельств служения епископа Исидора в Эстонии в контексте различных событий в государственно-церковных отношениях тех лет.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: епископ Исидор (Богоявленский), протоиерей Иоанн Богоявленский, Закон Божий, православная педагогика, православие в Эстонии.

HISTORICAL THEOLOGY

SCIENTIFIC AND PEDAGOGICAL HERITAGE OF BISHOP ISIDORE (BOGOYAVLENSKY) (1879–1949)

NEPOCHATOVA MARINA IVANOVNA

PHD IN THEOLOGY, ASSOCIATE PROFESSOR AT THE DEPARTMENT OF THEOLOGY AT THE INSTITUTE OF PHILOLOGY, MOSCOW PEDAGOGICAL STATE UNIVERSITY (MOSCOW, RUSSIA)
M.NEPOCHATOVA@MAIL.RU

ABSTRACT: the article examines the scientific and pedagogical heritage of Bishop Isidore (Bogoyavlensky), whose unique pedagogical experience and theological training made it possible for him to be appointed as the first rector of the revived Leningrad theological schools when he was Archpriest John. The forced emigration of the priest to Estonia turned into an opportunity to gain unique teaching experience in various spiritual and secular educational institutions, which later proved to be in demand when, as a result of unprecedented persecution of the Church, newly opened theological schools were in dire need of pedagogically trained teachers. The choice fell on Archpriest John, who by that time had become the author of numerous theological works, as well as a manual on the Law of God, designed for 6 years of studying the subject. The analysis of the manual prot. John shows that it is an example of a coherent methodological system that meets the highest requirements of theological accuracy, and does not lose its relevance today as an excellent material for studying the history of Russian Orthodox pedagogy, as well as a basis for teaching various subjects of spiritual orientation and conducting parish work with children and youth. The article also provides a brief analysis of the in-

dividual circumstances of Bishop Isidore's ministry in Estonia in the context of various events in the state-church relations of those years.

KEYWORDS: Bishop Isidore (Bogoyavlensky), Archpriest John Bogoyavlensky, the Law of God, Orthodox pedagogy, Orthodoxy in Estonia.

Возрождение традиций православной педагогики, происходящее в последние десятилетия в нашей стране, обращает взоры исследователей к наследию авторитетных церковных деятелей, посвятивших свои труды этому вопросу. Одновременное переосмысление научного наследия таких видных дореволюционных педагогов, как К. Д. Ушинский, С. А. Рачинский и др., способствует возрождению традиций отечественной православной педагогики. В этом контексте представляется значимым и актуальным изучение научно-педагогического наследия протоиерея Иоанна Богоявленского, впоследствии – эстонского епископа Исидора, церковного деятеля очень непростой судьбы, годы служения которого пришлось на период жестоких гонений в отношении Русской Православной Церкви.

Протоиерею Иоанну пришлось пережить события революции, арест и заключение в петроградской тюрьме [Мянник 2017: 97]. В 1919 г. священник был вынужден спешно покинуть место служения в Гатчине и эмигрировать в Эстонию вместе с отступавшими подразделениями Белой армии. Там его застала война и фашистская оккупация, последовал новый арест. Осуществлять служение приходилось в весьма непростых условиях. Проявляя истинное мужество, вместе с отцом будущего патриарха Алексия II, священником Михаилом Ридигером, отец Иоанн Богоявленский окормлял узников многочисленных концентрационных лагерей, расположенных в Эстонии [Непочатова 2019: 48–49], за что в 1943 году в числе других представителей духовенства и мирян отец Иоанн был арестован немецкими оккупационными властями по обвинению в нарушении установленных правил общения с военнопленными [Мянник 2017: 103].

В послевоенные годы исторические события снова тесно переплелись с судьбой пастыря. Протоиерей Иоанн стал участником важнейшего события в новейшей истории Церкви: он представлял эстонскую епархию на судьбоносном Поместном Соборе 1945 года [Овсянников 2009: 129]. Овдовев в декабре 1946-го [Алексий (Ридигер) 1999: 433], принял монашество с именем Исидор в честь священномученика

Исидора, пострадавшего вместе с прихожанами в г. Юрьеве (Дерпте) за православную веру от рук иноверцев в 1472 г., возглавил эстонскую епархию в 1947 г. Однако период епископства был недолгим, владыка скончался 18 декабря 1949 г.

Изучение архивных документов позволяет сделать вывод, что последние годы жизни владыки были серьезно омрачены настоящей травлей со стороны уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви по Эстонии, что явилось прямым следствием усилившихся в те годы гонений на Церковь со стороны союзных властей. Уполномоченный среди прочего обвинял епископа Исидора в том, что тот дает убежище в эстонской епархии ранее судимым и неблагонадежным представителям духовенства. Епископ действительно таким образом помогал пострадавшему от репрессий духовенству и диаконству [ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 568. Л. 19, 21; Непочатова 2020: 88, 78–81, 91].

До последних дней жизни епископ Исидор занимался различными проблемами вверенной ему небогатой епархии, заметная часть приходов которой находилась тогда в плачевном состоянии и не имела достаточного количества духовенства для окормления паствы. Из 138 церквей (включая монастырские и моленные дома) 45 церквей священников не имели, обслуживались посменно, содержать постоянного священнослужителя не могли [ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 410. Л. 1–9]. Насколько было возможно, владыка Исидор старался улучшить ситуацию, хотя союзные и местные власти и прежде всего Совет по делам Русской Православной Церкви при Совете министров СССР противодействовали подобным начинаниям.

Важнейшим событием в новейшей истории Русской Церкви стало возрождение духовных школ. Так, после долгого перерыва 23 ноября 1945 г. возобновился учебный процесс в Ленинградских духовных школах, а 28 февраля 1946 г. Совет по делам Русской Православной Церкви разрешил митрополиту Григорию предоставить десять мест для подготовки эстонских православных священнослужителей, а также перевести из Таллина протоиерея Иоанна Богоявленского [Шкаровский 2008: 174].

Было положено начало историческому событию, непосредственным участником которого с самого начала стал отец Иоанн Богоявленский. Митрополит Григорий (Чуков) обосновывал выбор кандидата на преподавание важнейших дисциплин – догматического и нравственного богословия, характеризуя отца Иоанна следующими словами: «На вводимые вновь предметы пригласить лиц, известных своей опытностью в преподавании той или иной специальности и научно-авторитетных:

магистра богословия прот. Иоанна Богоявленского на догматическое и нравственное богословие». Владыка инициировал перевод отца Иоанна на епархиальную службу из Таллина в Ленинград и отмечал: «Так как опыт нынешнего учебного года не дал удовлетворительных результатов в отношении организации административно-хозяйственной части КУРСОВ, то я предлагаю 1. Поручить заведывание курсами / со званием ректора / научно-авторитетному и опытному лицу, каковым является магистр богословия прот. Иоанн Богоявленский, с предложением ему иметь квартиру непременно в здании БОГОСЛОВСКИХ КУРСОВ» [ГАРФ, Ф. 6991. Оп.2. Д. 40, С. 36].

В Ленинградской духовной семинарии была предоставлена возможность для обучения будущих эстонских пастырей. Там прошли подготовку Алексей Михайлович Ридигер, будущий Святейший Патриарх, с особой теплотой отзывавшийся о своем наставнике, протоиерее Иоанне Богоявленском [Алексий II (Ридигер) 1999: 436], а также священник Вячеслав Якобс (будущий эстонский митрополит Корнилий), другие эстонские пастыри. Для епархии это стало весьма значимым событием, помогавшим решить самую насущную проблему – отсутствие достаточного количества духовенства для обслуживания многочисленных приходов небольшой республики.

Первому ректору возрожденных после войны Ленинградских духовных школ протоиерею Иоанну Богоявленскому предстояло как решать непростые задачи руководства учебным процессом, взаимоотношений с представителями различных государственных органов, так и преподавать такие важные дисциплины, как догматическое и нравственное богословие [ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 40. Л. 148].

Выбор церковного руководства пал на отца Иоанна во многом благодаря тому опыту педагогической деятельности, который был приобретен пастырем в годы учительства в Эстонии. Многолетнее преподавание Закона Божия позволило протоиерею Иоанну обобщить приобретенный опыт и издать в 1927 году собственный учебник Закона Божия, рассчитанный на шесть лет изучения предмета в школах. Пособие получило благословение правившего тогда архиерея Эстонии, митрополита Александра (Паулус) [Мянник 2017: 101]. Данный учебник представляет собой стройную методическую систему, в которой предусмотрены широкие возможности адаптации материала в зависимости от уровня подготовки учащихся, педагогов и специфики учебного заведения.

В предисловии к изданию автор формулирует важный аспект, которым он руководствовался при создании учебника: изложение материала

непрерывно должно вызывать интерес у учащихся. На эту важнейшую цель, осознание которой явилось результатом непростого и, увы, не всегда удачного опыта преподавания Закона Божия в Российской империи, указывал и выдающийся русский педагог, профессор Московского университета, основатель многочисленных школ для крестьянских детей Сергей Александрович Рачинский (1833–1902), 190-летие со дня рождения которого отмечается в текущем году. По имеющимся сведениям, именно недостаточно интересное преподавание Закона Божия подтолкнуло С. А. Рачинского к непосредственному участию в разработке программ для школ и в преподавании Закона Божия, а также в организации мероприятий духовной направленности с участием учеников и их родителей. В результате, как отмечает И. Ушакова, выдающемуся педагогу удалось создать сельскую школу нового образца, опирающуюся на духовное воспитание [Рачинский 2019: 5].

Сжатое повествование с обращением непосредственно к молодым читателям, небольшие по размеру главы пособия прот. Иоанна Богоявленского, краткие, просто сформулированные, но обращенные непосредственно к душе ребенка и его эмоциям вопросы к каждой главе – всё это отвечает обозначенной цели: доступно, точно и интересно изложить материал. Автор формулирует и другой неоспоримый тезис – необходимость решать конкретные воспитательные задачи в рамках преподавания Закона Божия, для чего в финале отдельных параграфов сделаны нравственные выводы, «где это возможно, без натяжки», – подчеркивает автор. Эти выводы отмечены в учебнике продольными линиями [Богоявленский 1927].

Заслуживает внимания и система изложения материала, методически грамотно и логично выстроенная, что можно проиллюстрировать на примере раскрытия темы «Учение и служение Спасителя». Для получения учениками цельного представления данная тема систематизирована по следующему принципу. Материал распределен по разделам: Иисус Христос как Божественный помощник людей, Божественный учитель, Божественный судия и Божественный искупитель. Кроме того, 1-й раздел дробится на отдельные значимые вопросы – «отношение Спасителя к детям», «к другим страждущим и бедствующим людям» [Богоявленский 1927]. Разделы пособия не представляют собой упрощенный пересказ евангельских событий, но выстроены по принципу, обусловленному догматическим содержанием. Это позволяет детям, не увлекаясь лишь повествовательной частью, уяснить важнейшие основания христианского вероучения. Так, при изложении учения Спасителя в качестве основной идеи рассматривается

восстановление в человечестве Царства Божия как воссоздание в людях первобытной чистоты и святости, образа и подобия Божия [Богоявленский 1917]. Подход автора к изложению материала предполагает вдумчивое и аналитическое рассмотрение содержания священных текстов, позволяет уяснить основные догматы и осмыслить их практическое значение в жизни христианина. Последнему аспекту прот. Иоанн уделил особое внимание, сформулировав краткие вопросы к параграфам, позволяющие ребенку задуматься над прочитанным, а педагогу использовать их при анализе пройденного материала.

Как справедливо подчеркивает отец Иоанн, непростой задачей для педагога Закона Божия является изучение с учащимися молитвенных текстов. С одной стороны, это необходимая практико-ориентированная часть прохождения курса, с другой стороны, как подмечает автор, преподаватель должен избегать механического запоминания и поверхностного восприятия, но стремиться вызвать в детях «молитвенные расположения и чувства... Иначе может выработаться формализм, полагающий спасение души в одном механическом произнесении молитв» [Богоявленский 1927], в связи с чем предлагается объяснять смысл молитв не в формате урока, но в виде беседы о душевных стремлениях детей и т. д. Молитвы распределены в пособии по мере возрастания сложности, параллельно указываются сюжеты из Священной истории, с которыми молитвенные тексты имеют смысловую связь. Автор предлагает каждую разучиваемую молитву предварять краткой пояснительной беседой. Русский перевод молитвы предшествует церковнославянскому тексту для лучшего понимания содержания.

Высокий уровень методической проработки пособия в сочетании с догматической акрибией обусловлен блистательной богословской подготовкой автора, окончившего сначала Курскую духовную семинарию, а в 1904 году – Санкт-Петербургскую духовную академию по первому разряду со степенью кандидата богословия [Алексий II (Ридигер) 1999: 432]. В те годы и начиналась многолетняя педагогическая деятельность выпускника Академии Иоанна Богоявленского, назначенного воспитателем (по другим сведениям – надзирателем и учителем) в Санкт-Петербургское Александро-Невское духовное училище. После определения на место служения в Екатерининский собор г. Ямбурга отец Иоанн был поставлен учителем в городском училище и начальной школе, затем, служа в Кронштадте, преподавал в начальном училище. На следующем месте служения (в Гатчине) также совмещал пастырскую деятельность с преподавательской [Мянник 2017: 96]. В 1920–1930-е гг., осуществляя пастырское служение в Эстонии, отец Иоанн преподавал

Закон Божий в различных учебных заведениях Таллина. Таким образом, отец Иоанн приобрел значительный опыт педагогической деятельности в различных духовных и светских заведениях, который сочетался с фундаментальной научной подготовкой (в 1915 г. будущий архипастырь защитил диссертацию на тему «Значение Иерусалимского храма в ветхозаветной истории еврейского народа» [Алексий II (Ридигер) 1999: 432], был удостоен звания магистра богословия, являлся одним из авторов «Большой православной энциклопедии», редактором эстонского журнала «Православный собеседник». В 1938 году отец Иоанн организовал в Эстонии трехгодичные богословско-пастырские курсы на русском языке, среди выпускников которых был отец Святейшего Патриарха Алексия II, о. Михаил Ридигер [Мянник 2017: 101]. Очевидно, что редкое сочетание высокого уровня научной подготовки и разнопланового педагогического опыта, реализованного как в духовных, так и в светских учебных заведениях, обусловило назначение отца Иоанна ректором. Следует напомнить, что на большей части СССР священство в те годы уже давно не могло вести никакой педагогической деятельности, не говоря уже о том, что большая часть представителей духовенства подверглась репрессиям, вследствие чего ощущалась колоссальная нехватка образованных преподавателей для вновь открывавшихся духовных школ. Отец Иоанн вернулся в родные стены теперь уже Ленинградской духовной семинарии и Академии, где его образование, педагогический опыт и незаурядные организаторские способности были востребованы.

Человеком, который стремился восстановить преемственность богословской школы и непосредственно занимался согласованием с властями как общих вопросов, так и кадровых, был митрополит Ленинградский и Новгородский Григорий (Чуков), обладавший собственным богатым опытом в вопросах духовного образования как бывший ректор Олонецкой духовной семинарии, Петроградского богословского института и Высших богословских курсов [Шкаровский 2008: 171].

Отец Иоанн был также автором как отдельных богословских трудов, так статей в «Журнале Московской Патриархии» (уже в бытность епископом Исидором). Следует остановиться на его исследовании, посвященном истолкованию Символа веры. Написанное понятным для неподготовленного читателя слогом, оно вместе с тем ориентировано и на тех, кому интересны экскурсы в труды по психологии, философии, физике. Работа позволяет читателю соотнести глубину богословского содержания священного текста с практическими аспектами жизни христианина. Раздел «Нравственно-телеологическое доказательство

бессмертия души» отражает вопросы возможности Богопознания для человека, его отношений с окружающими, перспектив истинного духовного совершенствования. Интересные аспекты отражены в таких разделах сочинения отца Иоанна Богоявленского, как «Заботы Бога о мире», «Нравственные выводы из учения о попечении Бога о мире» [Богоявленский 1939]. Конкретные примеры, приводимые автором, способствуют наглядному пояснению сложных для неподготовленного читателя богословских формулировок. Не теряющие актуальности труды прот. Иоанна могут использоваться и сегодня в пастырской работе.

Очевидно, что ввиду занятости в Академии, а затем и в эстонской епархии, в последние годы жизни Владыка не мог в полной мере посвятить себя написанию богословских сочинений, но несколько статей вышли в «Журнале Московской Патриархии». Так, в статье епископа Исидора «Рождество Богородицы (по православному и римско-католическому учению)» [Богоявленский 1949: 34] наряду с объяснением смысла Праздника, подкрепленным цитатами из различных мест Священного Писания, приводится четкое обоснование причин непринятия православием догмата о непорочном зачатии Пресвятой Богородицы и проясняются возникающие в связи с этим вопросы.

Таким образом, особая роль профессора-протоиерея Иоанна Богоявленского как первого ректора возрожденных Ленинградских духовных школ была обусловлена тем, что он являлся представителем уходящей традиции дореволюционного духовного образования в самом высоком его воплощении, человеком, обладавшим многолетним педагогическим опытом, доказавшим своими научными и педагогическими сочинениями право носить это почетное звание. Стоит упомянуть также личную заслугу отца Иоанна в открытии класса для эстонцев, что позволило обеспечить кадрами духовенства эстонскую епархию в один из самых сложных периодов ее существования.

Дальнейшее изучение научно-педагогического наследия протоиерея Иоанна Богоявленского (епископа Исидора) представляет интерес с точки зрения пастырской подготовки будущих представителей духовенства, а также исследования традиции отечественной православной педагогики.

ЛИТЕРАТУРА

Алексий (Ридигер), Патриарх. Православие в Эстонии. М.: Православная энциклопедия, 1999. 704 с.

- Богоявленский Иоанн, свящ. Закон Божий для начальных школ / сост. протоиерей Иоанн Богоявленский. Ревель, 1927. XI. 361 с. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Isidor_Bogoyavenskij/zakon-bozhij-uchebnik-dljanachalnyh-shkol/ (дата обращения: 18.07.2023).
- Богоявленский Исидор, прот., магистр богословия. Православный Символ Веры. Религиозно-философские размышления / Таллин: Склад изд. у автора, 1939. 136 с. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Isidor_Bogoyavenskij/pravoslavnyj-simvol-verj-religiozno-filosofskierazmyshlenija/5_5 (дата обращения: 29.06.2023).
- Богоявленский Исидор, епископ. Рождество Богородицы // Журнал Московской Патриархии. М.: 1949, № 9, С. 34–38. URL: <http://www.jmp.ru/ya43.php?ys=49&my=09&rm=STAT&sr=490910> (дата обращения: 13.07. 2023).
- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Фонд Р 6991. Опись 2. Мянник С. Епископ Исидор (Богоявленский) // Православие в Балтии. Научно-аналитический журнал. Рига, 2017. С. 95–108.
- Непочатова М. И. Архипастырь Эстонской земли // Журнал Московской Патриархии. М.: 2019. Декабрь. С. 46–55.
- Непочатова М. И. Положение Церкви в Эстонии в условиях государственного атеизма в 1944–1964 гг.: дис. ... канд. теологии / ОЦАД. М., 2020. 299 с.
- Овсянников П. А. Списки участников собора 1945 года // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. 2009. Вып. II: 2 (31). С. 120–129.
- Рачинский С. А. Народная педагогика. М.: Русская цивилизация, 2019. 624 с.
- Шкаровский М. В. Санкт-Петербургские (Ленинградские) духовные школы во 2-й половине XX – начале XXI века // Вестник церковной истории. 2008. № 4 (12). С. 171–210.

REFERENCES

- Alexy (Ridiger), Patriarch. Pravoslavije v Estonii [Orthodoxy in Estonia]. Moscow, Orthodox Encyclopedia, 1999, 704 p.
- Bogoyavlensky, John, priest. Zakon Bozhij dl'a nachalnyh shkol [The Law of God for primary schools / comp. Archpriest John of the Epiphany]. Revel, 1927, XI, 361 p. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Isidor_Bogoyavenskij/zakon-bozhij-uchebnik-dlja-nachalnyh-shkol/ (accessed: 18.07.2023).
- Bogoyavlensky I., prot., Master of theology. Pravoslavnyj Simvol Very. Religiozno-phylosophskiye razmyshleniya [The Orthodox Symbol of Faith. Religious and philosophical reflections]. Tallinn, 1939, 136 p. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Isidor_Bogoyavenskij/pravoslavnyj-simvol-verj-religiozno-filosofskie-razmyshlenija/5_5 (accessed: 06/29/2023).
- Bogoyavlensky, Isidore, bishop. Rozhdestvo Bogoroditsy [The Nativity of the Theotokos]. Journal of the Moscow Patriarchate. Moscow, 1949, no. 9, pp. 34–38. URL: <http://www.jmp.ru/ya43.php?ys=49&my=09&rm=STAT&sr=490910> (accessed: 13.07.2023).

- State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund P 6991. Inventory 2.
- Myannik S. Episkop Isidor (Bogoyavlenskyj) [Bishop Isidore (Bogoyavlensky)]. Orthodoxy in the Baltic States. Scientific and Analytical journal. Gl. ed. Gavrilin A.V. Riga, 2017, pp. 95–108.
- Nepochatova M. I. Arhipastyr' Estonskoj zemli [Archpastor of the Estonian land]. Journal of the Moscow Patriarchate. Moscow, 2019, Dec, pp. 46–55.
- Nepochatova M. I. Polozhenije Tserkvi v Estoniji v uslovijach gosudarstvennogo ateizma v 1944–1964 gg [The situation of the Church in Estonia in the conditions of state atheism in 1944–1964: dis. ... cand. of theology]. Saints Cyril and Methodius Institute for Postgraduate Studies. Moscow, 2020, 299 p.
- Ovsyannikov P. A. Spiski uchastnikov Sobora 1945 goda [Lists of participants of the Council of 1945]. Bulletin of PSTSU II: History. The History of the Russian Orthodox Church, 2009, vol. II, 2 (31), pp. 120–129.
- Raczynski S. A. Narodnaja pedagogika [National pedagogy]. Moscow, Russkaja tsivilizatsija Publ., 2019, 624 p.
- Shkarovsky M. V. Sankt-Peterburgskije (Leningradskije) duchovnyje shkoly vo 2 polovine XX – nachale XXI veka [St. Petersburg (Leningrad) theological schools in the 2nd half of the XX – beginning of the XXI century]. Bulletin of Church History, 2008, no. 4 (12), p. 171–210.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ТЕОЛОГИЯ

ОСОБЕННОСТИ ПАСТЫРСКОГО ДУШЕПОПЕЧЕНИЯ ВО ВРЕМЯ СОВЕРШЕНИЯ ТАИНСТВ ПО МАТЕРИАЛАМ ЖУРНАЛА «РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХ ПАСТЫРЕЙ»

БЕЛЫЙ КОНСТАНТИН ВЯЧЕСЛАВОВИЧ, ИЕРЕЙ,

МАГИСТР ТЕОЛОГИИ, СТАРШИЙ ПРЕПОДАВАТЕЛЬ ПСКОВО-ПЕЧЕРСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ (ПЕЧОРЫ, РОССИЯ)

SIGNBOARD3KB@MAIL.RU

АННОТАЦИЯ: сегодня ввиду множества внешнецерковных и внутрицерковных вызовов вопросы пастырского служения, в том числе пастырского душепопечения, все чаще поднимаются в церковном дискурсе. Все большее внимание теоретическим и практическим аспектам пасторологии уделяется и в духовных школах Русской Православной Церкви, готовящих будущих священнослужителей. В связи с этим особую значимость приобретает обращение к пастырскому опыту предыдущих исторических периодов, который запечатлелся в различных источниках. Одной из наименее разработанных доселе разновидностей отечественных пасторологических источников является пастырская периодика – совокупность дореволюционных периодических изданий, издававшихся для православного духовенства Российской империи, в том числе первый и самый известный пастырский журнал – «Руководство для сельских пастырей» (РДСП). На примере рассмотрения ряда публикаций журнала, посвященных вопросам пастырского душепопечения во время совершения таинств, автор отмечает ценность этих материалов как источника по изучению пастырского опыта священнослужителей пореформенного периода, который, в свою очередь, может быть использован в решении современных проблем пастырского служения. Данные материалы вводятся в научный оборот впервые.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: пастырское душепопечение, таинства, духовное окормление, пастырская периодика, журнал, «Руководство для сельских пастырей», РДСП.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Белый К. В., иерей. Особенности пастырского душепопечения во время совершения таинств по материалам журнала «Руководство для сельских пастырей» // У пещер, Богом зданных. Научно-богословское издание. 2023. № 3. С. 23–35.

PRACTICAL THEOLOGY

PECULIARITIES OF PASTORAL COUNSELING DURING THE SACRAMENTS ON THE MATERIALS OF THE JOURNAL “GUIDE FOR RURAL PASTORS”

BELYJ KONSTANTIN VYACHESLAVOVICH, PRIEST,

MASTER OF THEOLOGY, SENIOR LECTURER AT THE PSKOV-PECHERY THEOLOGICAL SEMINARY (PECHORY, RUSSIA)

SIGNBOARD3KB@MAIL.RU

ABSTRACT: today, in view of the many external and internal church challenges, the issues of pastoral ministry, including pastoral counseling, are increasingly raised in church discourse. Increasing attention is paid to the theoretical and practical aspects of pastorology serving in the theological schools of the Russian Orthodox Church, which train future clergy. In this regard, the appeal to the pastoral experience of previous historical periods, which is imprinted in various sources, is of particular importance. One of the least developed varieties of domestic pastorological sources so far is pastoral periodicals – a set of pre-revolutionary periodicals published for the Orthodox clergy of the Russian Empire, including the first and most famous pastoral journals – “Guide for rural pastors” (RDSP). On the example of reviewing a number of publications of the journal devoted to the issues of pastoral counseling during sacraments, the author notes the value of

these materials as a source for studying the pastoral experience of the clergy of the post-reform period, which, in turn, can be used in solving modern problems of pastoral serving. These materials are introduced into scientific circulation for the first time.

KEYWORDS: pastoral counseling, sacraments, spiritual care, pastoral periodicals, journal, "Guide for Rural Pastors", RDSP.

FOR CITATION: Belyj K. V., priest. Features of pastoral counseling during the performance of the sacraments according to the materials of the journal "Guide for Rural Pastors" // At the caves, built by God. Scientific and theological Journal = U peshcher, Bogom zdannykh. Nauchno-bogoslovskoe izdanie. 2023. No. 3. P. 23–35.

Пастырский опыт или, иначе говоря, опыт понимания и решения проблем пастырского служения неизменно актуален как предмет изучения в церковно-богословских науках. С одной стороны, он может рассматриваться в историческом аспекте как рефлексия духовенством внешних и внутренних вызовов своей эпохи сквозь призму пастырства. С другой стороны, пастырский опыт может изучаться и в сугубо пасторологическом ключе как вклад в осмысление и решение общих вопросов пастырского богословия, актуальных для Церкви с первых веков ее бытия.

Те или иные компоненты пастырского опыта многих поколений священнослужителей, в том числе отечественных, были зафиксированы в разных источниках: от агиографических, богословских текстов до мемуаров, дневников или, например, периодических изданий для духовенства. В Российской империи таких изданий было немало, но самым примечательным с точки зрения длительности существования, широты читательской аудитории и пастырской направленности контента, несомненно, являлся журнал «Руководство для сельских пастырей» (сокращенно – РДСП), издававшийся при Киевской духовной семинарии с 1860 по 1917 г.

За более чем полувековую историю журнала на его страницах было опубликовано множество статей и заметок, посвященных вопросам пастырского служения, в том числе целый ряд материалов о пастырском душепопечении в теоретическом и практическом его аспектах. Их авторы (преимущественно священники) поднимали и осмыслили

широкий круг проблем духовного окормления паствы сквозь призму Священного Писания, святоотеческих творений и личного пастырского опыта. Учитывая, что многие проблемы, поднимаемые в публикациях, остались актуальными доньше, опыт понимания и решения проблем пастырского душепопечения священнослужителями второй половины XIX – начала XX в., отложившийся на страницах РДСП, может представлять сегодня не только исторический интерес для исследователей истории Церкви, но и теоретико-практический интерес для современных пастырей и специалистов в области пастырского богословия, что мы и постараемся продемонстрировать в данной статье.

Комплекс материалов РДСП, посвященных вопросам пастырского душепопечения о пасомых во время совершения различных церковных таинств (крещения, миропомазания, венчания, елеосвящения, покаяния, причащения) тематически неравномерен. Совсем небольшим количеством публикаций представлены темы душепопечения во время крещения, миропомазания, венчания и елеосвящения, чуть большее внимание авторы уделяют духовному окормлению верующих в рамках таинства евхаристии (причащения), а наиболее многочисленной оказалась группа статей о душепопечении во время таинства покаяния.

Подобный дисбаланс в пользу последней темы можно объяснить пониманием многими авторами и духовными писателями того периода большого значения исповеди как таинства возрождения человека к благодатной жизни с Богом [Феофан 2013: 101–102], широкого спектра возможностей для духовного окормления, которое предоставляет пастырю исповедь [Антоний 1928: 3–4], а также более высокой, по сравнению с участием в других таинствах, частотой участия верующих синодальной эпохи в таинстве покаяния. Меньшее внимание к таинству евхаристии связано в определенной степени с практикой редкого причащения мирян, распространенной не только в имперский, но и допетровский периоды [Беглов 2012: 38–43].

Статьи РДСП о крещении и миропомазании в основном посвящены не столько душепопечительным аспектам совершения данных таинств, сколько описанию истории их установления и развития, их смысла и значения, которые пастырь должен разъяснять прихожанам [Беседа 1865], а также описанию пагубности распространявшейся практики крещения через обливание, которая, по мнению авторов, часто вызвана нерадением священнослужителей [З-в 1887; М. Г. 1892: 267]. Таинство крещения некоторые авторы призывали совершать перед литургией, дабы вхождение в Церковь Христову сопровождалось причащением [Замечания 1860: 93–94].

Лишь отчасти касаются вопросов душепопечения статьи журнала, посвященные совершению таинств венчания и елеосвящения. В публикациях рассматриваются, главным образом, вопросы установления, исторического развития, значения в духовной жизни христианина данных таинств, а также распространенные недостатки при их совершении, предрассудки со стороны прихожан в восприятии этих таинств и способы, имеющиеся в арсенале пастырей, решать эти проблемы. По мнению авторов, многие недостатки и предрассудки устранимы с помощью 1) тщательного, доступного разъяснения пасомым значения, смысловой нагрузки чинопоследований венчания и елеосвящения, абсурдности распространенных заблуждений и поверий [Воскресенский 1861]; 2) каноничного, правильного совершения данных таинств [Об отступлениях 1894]; 3) способствования соблюдению прихожанами благоговения и благочиния во время таинств [Богданов. Замечания 1864].

В публикациях, посвященных таинству евхаристии, также затрагиваются историко-литургические и практические аспекты его совершения [Как причащать 1876: 342–343], при этом чуть большее внимание, по сравнению с двумя предыдущими группами статей, уделяется разъяснению прихожанам смысла, значения и критериев правильного участия в центральном для православных христиан таинстве [Существенно-важный 1889: 471–472], пагубности уклонения от причащения под предлогом «недостойнства» или непонимания [Борьба 1890: 178]. Авторы, например, отмечают, что пастыри должны призывать причащающихся испытывать не рабский, а сыновний страх, который сохранит «сердце от нечистых хотений и греховных пожеланий» [Богданов. Слово 1864: С 331], бережно хранить благодать, полученную в таинстве Евхаристии, дабы не впасть в прежнюю болезнь души [Павловский 1867: 373–375], а также внимательно относиться к благодарению Бога за возможность приобщения Тела и Крови Его. «Когда дорожишь знакомством с близким человеком, то благодаришь его за все, – говорит в одном из поучений священник Н. Кудрицкий. – Но, братие, посмотрите вокруг себя: более половины из удостоившихся приобщения св. тайн нет уже теперь в храме...» [Кудрицкий 1864: 513].

Заметно большее внимание проблематике душепопечения уделяется в публикациях, посвященных таинству покаяния. В статьях данной группы помимо исторических, богословских аспектов таинства, затрагивается широкий круг вопросов, связанных с содействием священника в подготовке прихожан к исповеди, со способами пробуждения в них покаянного чувства и раскаяния, с инструментами и спецификой пастырского окормления во время исповеди различных категорий пасомых.

Участию прихожанина в таинстве покаяния должна, по мнению авторов, предшествовать определенная подготовка – как личная, так пастырская. Перед исповедью (особенно во время Великого Поста), священнику, как отмечается в статьях, следует разъяснять суть данного таинства и покаяния в целом [Богданов 1862: 400, 405; Смолодович 1861]. Более того, пастырь, по выражению одного автора, должен призывать пасомых искренне «болезновать» о грехах, умягчая свои сердца, и не стыдиться открывать прегрешения на исповеди. «Мы, духовники, сами склонны ко грехам и, может быть, всех вас виновнее пред Богом, – указывается в статье. – Чего же вам стыдиться?» [Емельянов 1866: 233]. Другой автор обращает внимание на необходимость поучать прихожан о пагубности привычки исповедоваться у разных священников и о ложности суеверий, связанных с таинством [Смирнов 1866].

Перед исповедью лицу, готовящему к ней (как и его духовнику), следует, по словам священника И. Гашкевича, наблюдать за тем, как он ведет себя перед таинством, стоит ли в храме, «отвлекаясь и блуждая умом», или крестится, внимая богослужению, а также за поведением после исповеди как еще одним показателем искренности или формальности покаяния [Гошкевич 1865: 394–395]. Священник М. Богданов к этому добавляет уклонение истинно кающегося от греха еще до исповеди и непреуменьшение своей вины как другие признаки подлинного покаяния, на которые священник должен обращать внимание [Богданов 1863].

Во время таинства исповеди, как отмечает тот же автор, пастырь, не допуская «неторопливости», должен предоставить «кающемуся полную возможность высказаться во всем» и только затем задавать конкретизирующие вопросы, которые нередко необходимы, так как люди «часто говорят на исповеди таким образом: “я нарушил семейные обязанности, или согрешил против седьмой заповеди”» без уточнений «чем и как согрешил и каким именно грехом нарушил ту или иную заповедь» [Богданов 1860: 63]. При этом изучать грех и его степень священнику, как отмечается в этой и иной публикациях, следует до определенных границ, не из праздного любопытства, выказывая во всем, даже в строгости, истинно пастырскую любовь [Данкевич 1894: 314–315].

В некоторых статьях рассматривается проблема епитимий, которые, с одной стороны, могут стать одним из пастырских средств для демонстрации опасного духовного состояния и содействия «оживлению религиозного чувства» приступившего к исповеди теплохладного человека. С другой стороны, давать их пастырю советуется «с великим

рассуждением и крайнею осмотрительностью», чтобы кающийся не охладел к духовной жизни вовсе [В. П. 1887: 22–23, 25].

Поднимают авторы статей журнала вопросы о специфике исповеди детей, больных, глухонемых, заключенных. Дети, как замечается, например, в нескольких публикациях, часто не имеют благоговения перед данным таинством, равно как и перед Евхаристией, именно по причине невнимательности со стороны священников, которые не разъясняют смысл исповеди, «не стараются внушить благоговейного чувства к святости таинства покаяния, допуская в детской исповеди заметную спешность и торопливость» [Данкевич 1894: 310], «небрежность», считают, что детей «долго, как следует, исповедовать не представляется необходимым», при том, что, как указывает один из авторов, исповедь – это помимо всего еще и важное средство сближения с пасомыми, установления с ними доверительных отношений, над чем нужно трудиться еще с детского возраста прихожан [Заметка 1909: 142–143].

При исповеди больных, рядом с которыми вынужденно находятся другие люди, пастырь, по мнению авторов, может исповедовать шепотом или получать ответы на вопросы с помощью мимики [З. По вопросу 1878]. Важность использования мимики и знания основных особенностей невербальной коммуникации указывается и при исповеди глухонемых, над которыми священнику следует, как пишет о. П. Орловский, не спешить сразу же читать разрешительную молитву, а прежде постараться выяснить их духовно-нравственное состояние [Орловский 1863]. В приведении к покаянию лишенного свободы отмечается важность для пастыря «приобрести полнейшее к себе доверие преступника и войти с ним в самые искренние отношения», не осуждать и молиться за него [Ф. Б. 1867], делиться литературой и помогать материально [Пастырь 1888: 235].

В ряде статей также обращается внимание на древнюю практику общей исповеди (и различные современные на тот момент формы ее проведения), периодическое применение которой может, по мнению авторов, принести большую духовную пользу одновременно многим пасомым, так как именно время общих исповедей священнику удобно разъяснить всем им суть не только таинства, но и наиболее распространенных прегрешений, особенно тех, которые чаще наблюдаются у прихожан конкретного храма, и тем самым подвигнуть исповедников к более глубокому покаянию [Иерей 1909]. Обсуждались на страницах РДСП и другие вопросы совершения таинства исповеди [Попов 1866].

К данному комплексу статей примыкает тематически близкая группа публикаций о попечении пастыря над больными и умирающими,

которую, несмотря на фигурирование в некоторых работах проблем исповеди и причастия указанных категорий пасомых, стоит рассмотреть отдельно. Одна из основных идей, содержащихся в статьях, заключается в том, что обязанность пастыря посещать по примеру Спасителя недугующих и умирающих – это один из самых трудных и вместе с тем важных компонентов священнического служения, положительно влияющий не только на окормляемых, но и на их близких, а также доставляющий самому пастырю духовную пользу и «богатство» примеров для проповеди [Пастырская 1860; Городской 1886]. «Многие священники, – говорится в одной из статей, – могут засвидетельствовать, какую благодатью исполняется сердце, какое сладостное испытывается чувство, когда страждущий на болезненном одре, ободренный и утешенный пастырским посещением, с новым духом веры творит на себе крестное знамение или, уже отходя из сей жизни, собирает еще последние силы, чтобы отблагодарить пастыря за укрепление и утешение» [Пастырская 1860: 268, 271–272].

Очень важно, как отмечается в некоторых публикациях, чтобы священнослужитель имел правильные цели при посещении страждущих, а именно славу Божию и благо ближнего, его утешение и воодушевление, а не собственную выгоду [Практическое 1862: 98]. Единственной причиной отложить посещение человека, находящегося в критическом состоянии, называется, согласно церковным правилам, совершение литургии уже по великом входе. В статьях нередко приводились примеры, как древние и современные священники винили себя в том, что по нерадению не пришли вовремя к умирающим [Напутствование 1894].

Рассмотрением этих вопросов не исчерпывается комплекс материалов РДСП о пастырском душепопечении. Проблематика их еще шире. Впрочем, приведенных примеров, полагаем, достаточно, чтобы проиллюстрировать специфику и ценность этого пасторологического источника. Несмотря на то что авторами статей и заметок журнала «Руководство для сельских пастырей» о пастырском душепопечении были преимущественно священнослужители, жившие в позапрошлом столетии, их опыт решения и осмысления проблем пастырского душепопечения представляет несомненный интерес для современных священнослужителей. Конечно, не все компоненты этого опыта могут быть применимы сегодня в новых исторических обстоятельствах, однако в целом его изучение и использование, опора на данный отечественный духовно-пастырский опыт видится важной задачей на пути успешного решения проблем, стоящих перед духовенством Русской Православной Церкви в веке нынешнем.

ИСТОЧНИК

- Беседа первая о таинстве миропомазания // РДСП. 1865. Т. II. № 27. С. 337–345.
- Богданов М., священник. Практические замечания касательно совершения исповеди // РДСП. 1860. Т. I. № 3. С. 63–68.
- Богданов М., священник. Несколько замечаний о разрешении и запрещении кающихся // РДСП. 1863. Т. I. № 14. С. 432–433.
- Богданов М., священник. Слово пред причащением св. таин // РДСП. 1864. Т. I. № 10. С. 329–332.
- Богданов М., священник. Замечания о совершении таинства брака // РДСП. 1864. Т. III. № 39. С. 104–119.
- Борьба пастыря Церкви с религиозным равнодушием // РДСП. 1890. Т. I. № 7. С. 178–187.
- Воскресенский А. Беседа священника с прихожанами, после совершения таинства елеосвящения (о некоторых предрассудках простого народа относительно сего таинства) // РДСП. 1861. Т. I. № 6. С. 145–155.
- В. П. Запрещения или епитимии // РДСП. 1887. Т. I. № 1. С. 51–61.
- Городской священник. Двенадцать тезисов относительно пастырского попечения о приходских больных // РДСП. 1886. Т. II. № 21. С. 98–110.
- Гошкевич И., священник. Поучение о признаках искреннего и неискреннего покаяния // РДСП. 1865. Т. I. № 12. С. 394–397.
- Данкевич В., священник. Какими способами и средствами может располагать пастырь Церкви, чтобы довести исповедывающихся до полного осознания грехов и открытия их на исповеди // РДСП. 1894. Т. I. № 12. С. 309–316.
- Емельянов А., священник. Поучение перед исповедью // РДСП. 1866. Т. I. № 7. С. 233–238.
- Заметка. Исповедь детей // РДСП. 1909. Т. II. № 23. С. 142–144.
- Замечания о совершении таинства крещения // РДСП. 1860. Т. III. № 39. С. 84–95.
- З-в. Чем оправдывают некоторые из иереев практикуемый ими обливательный образ крещения вместо погружательного? // РДСП. 1887. Т. III. № 46. С. 315–323.
- З. По вопросу об исповеди больных // РДСП. 1878. Т. III. № 43. С. 295–304.
- Как причащать тех, которые по какой-нибудь причине не могут принять вина // РДСП. 1876. Т. II. № 29. С. 342–343.
- Кудрицкий Н., священник. Поучение по причащении святых таин // РДСП. 1864. Т. I. № 15. С. 512–515.
- Левашев А. Можно ли священнику, при чтении известной разрешительной молитвы, читаемой над кающимся, не помянуть имени кающегося // РДСП. 1879. Т. I. № 2. С. 52–56.
- М. Г. Усердие и единообразие пастырской деятельности, как одно из главных условий охранения церковного мира и успешной борьбы с внешними и внутренними врагами Церкви // РДСП. 1892. Т. I. № 10. С. 339–344.

- Напутствование умирающего, как неотложная обязанность священника // РДСП. 1894. Т. I. № 6. С. 154–158.
- Об отступлениях от ясных указаний Требника, допускаемых некоторыми пастырями в богослужебной практике // РДСП. 1894. Т. III. № 46. С. 289–294.
- Орловский П., свящ. Несколько практических замечаний об исповеди глухонемых // РДСП. 1863. Т. I. № 11. С. 296–303.
- Павловский Х., свящ. Поучение причастившимся Святых Таин // РДСП. 1867. Т. I. № 11. С. 373–375.
- Пастырская деятельность у одра больных и умирающих // РДСП. 1860. Т. II. № 28. С. 267–272.
- Пастырь Церкви в темнице перед узниками // РДСП. 1888. Т. III. № 44. С. 235–239.
- Попов Е., свящ. Беседы священника с говеющими об исповеди // РДСП. 1866. Т. I. № 4. С. 134–141.
- Практическое руководство к апостольскому посещению больных // РДСП. 1862. Т. III. № 38. С. 98–100.
- Смирнов Г. Особенно затруднительное в некоторых случаях положение священника как духовника // РДСП. 1866. Т. II. № 23. С. 218–227.
- Смолов Д., свящ. Заметка духовника // РДСП. 1861. Т. I. № 8. С. 202–203.
- Существенно-важный недостаток в религиозно-нравственной жизни русского народа, требующий особенного пастырского внимания // РДСП. 1889. Т. I. № 16. С. 469–474.
- Ф. Б., свящ. Опыт приведения в полное сознание убийц увещателем // РДСП. 1867. Т. III. С. 298–312.
-

ЛИТЕРАТУРА

- Антоний (Храповицкий), митрополит. Исповедь: Из воспоминаний по моим лекциям. Варшава: Воскресное чтение, 1928. 98 с.
- Беглов А. Л. Практика причащения православных прихожан советской эпохи // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2012. Т. 30. № 3–4. С. 34–58.
- Феофан Затворник, святитель. Путь ко спасению. М.: Правило веры, 2013. 300 с.
-

REFERENCES

- Antonii (Khrapovitskii), mitropolit. *Ispoved': Iz vospominanii po moim lektsiyam* [Confession: From memories of my lectures]. Varshava, Voskresnoe chtenie, 1928, 98 p.

- Beglov A. L. Praktika prichashcheniya pravoslavnykh prikhozhan sovetskoi epokhi [Soviet-era practices of giving communion to Orthodox parishioners] // Gosudarstvo, religiya, Tserkov' v Rossii i za rubezhom, 2012, vol. 30, no. 3–4, pp. 34–58.
- Beseda pervaya o tainstve miropomazaniya [The first conversation about the sacrament of confirmation] // RDSP, 1865, vol. II, no. 27, pp. 337–345.
- Bogdanov M., svyashch. Prakticheskie zamechaniya kasatel'no soversheniya ispovedi [Practical notes regarding confession] // RDSP, 1860, vol. I, no. 3, pp. 63–68.
- Bogdanov M., svyashch. Neskol'ko zamechaniy o razreshenii i zapreshchenii kayushchikhsya [A few notes on the permission and prohibition of penitents] // RDSP, 1863, vol. I, no. 14, pp. 432–433.
- Bogdanov M., svyashch. Slovo pred prichashcheniem sv. Tain [Word before Holy Communion tain] // RDSP, 1864, vol. I, no. 10, pp. 329–332.
- Bogdanov M., svyashch. Zamechaniya o sovershenii tainstva braka [Notes on the celebration of the sacrament of marriage] // RDSP, 1864, vol. III, no. 39, pp. 104–119.
- Bor'ba pastyrya Tserkvi s religioznym ravnodushiem [The Church Pastor's Struggle with Religious Indifference] // RDSP, 1890, vol. I, no. 7, pp. 178–187.
- Gorodskoi svyashchennik. Dvenadtsat' tezisov otnositel'no pastyrskogo popecheniya o prikhodskikh bol'nykh [Twelve Theses on Pastoral Care for the Parish Sick] // RDSP, 1886, vol. II, no. 21, pp. 98–110.
- Goshkevich I., svyashch. Pouchenie o priznakakh iskrennego i neiskrennego pokayaniya [Teaching about the signs of sincere and insincere repentance] // RDSP, 1865, vol. I, no. 12, pp. 394–397.
- Dankevich V., svyashch. Kakimi sposobami i sredstvami mozhet raspolagat' pastyr' Tserkvi, chtoby dovesti ispovedyvayushchikhsya do polnogo osoznaniya grekhov i otkrytiya ikh na ispovedi [What ways and means can the shepherd of the Church have at his disposal to bring those confessing to a full awareness of their sins and revealing them in confession?] // RDSP, 1894, vol. I, no. 12, pp. 309–316.
- Emel'yanov A., svyashch. Pouchenie pered ispoved'yu [Teaching before confession] // RDSP, 1866, vol. I, no. 7, pp. 233–238.
- F. B., svyashch. Opyt privedeniya v polnoe soznanie ubiits uveshchatelem [The experience of bringing murderers to full consciousness by an exhorter] // RDSP, 1867, vol. III, pp. 298–312.
- Feofan Zatvornik, svyatitel'. Put' ko spaseniyu [The Path to Salvation]. Moscow, 2013, 300 p.
- Kak prichashchat' tekh, kotorye po kakoi-nibud' prichine ne mogut prinyat' vina [How to give Communion to those who for some reason cannot accept wine] // RDSP, 1876, vol. II, no. 29, pp. 342–343.
- Kudritskii N., svyashch. Pouchenie po prichashchenii svyatykh tain [Teaching on Communion of the Holy Mysteries] // RDSP, 1864, vol. I, no. 15, pp. 512–515.
- Levashev A. Mozhno li svyashchenniku, pri chtenii izvestnoi razreshitel'noi molitvy, chitaemoi nad kayushchimsya, ne pominat' imeni kayushchegosya [Is it possible for a

- priest, when reading the well-known prayer of permission read over a penitent, not to remember the name of the penitent?] // RDSP, 1879, vol. I, no. 2, pp. 52–56.
- M. G. Userdie i edinoobrazie pastyrskoi deyatel'nosti, kak odno iz glavnykh uslovii okhraneniya tserkovnogo mira i uspezhnoi bor'by s vneshnimi i vnutrennimi vragami Tserkvi [Diligence and uniformity of pastoral activity, as one of the main conditions for preserving church peace and successfully combating external and internal enemies of the Church] // RDSP, 1892, vol. I, no. 10, pp. 339–344.
- Napuststvovanie umirayushchego, kak neotlozhnaya obyazannost' svyashchennika [Advising the dying as an urgent duty of a priest] // RDSP, 1894, vol. I, no. 6, pp. 154–158.
- Ob otstupleniyakh ot yasnykh ukazanii Trebnika, dopuskaemykh некотoryми pastыryami v bogoslužhebnoi praktike [On deviations from the clear instructions of the Trebnik, allowed by some pastors in liturgical practice] // RDSP, 1894, vol. III, no. 46, pp. 289–294.
- Orlovskii P., svyashch. Neskol'ko prakticheskikh zamechanii ob ispovedi glukho-nemykh [A few practical notes on confession of the deaf and mute] // RDSP, 1863, vol. I, no. 11, pp. 296–303.
- Pavlovskii Kh., svyashch. Pouchenie prichastivshimsya Svyatykh Tain [Teachings to those who partook of the Holy Communion] // RDSP, 1867, vol. I, no. 11, pp. 373–375.
- Pastyrskaya deyatel'nost' u odra bol'nykh i umirayushchikh [Pastoral work at the bedside of the sick and dying] // RDSP, 1860, vol. II, no. 28, pp. 267–272.
- Pastyr' Tserkvi v temnitse pered uznikami [Shepherd of the Church in prison in front of the prisoners] // RDSP, 1888, vol. III, no. 44, pp. 235–239.
- Popov E., svyashch. Besedy svyashchennika s goveyushchimi ob ispovedi [Conversations between a priest and fasting people about confession] // RDSP, 1866, vol. I, no. 4, pp. 134–141.
- Prakticheskoe rukovodstvo k apostol'skomu poseshcheniyu bol'nykh [A Practical Guide to Apostolic Visitation of the Sick] // RDSP, 1862, vol. III, no. 38, pp. 98–100.
- Smirnov G. Osobenno zatrudnitel'noe v некотorykh sluchayakh polozenie svyashchennika kak dukhovnika [The position of the priest as confessor is especially difficult in some cases] // RDSP, 1866, vol. II, no. 23, pp. 218–227.
- Smolodovich D., svyashch. Zametka dukhovnika [Note from confessor] // RDSP, 1861, vol. I, no. 8, pp. 202–203.
- Sushchestvenno-vazhnyi nedostatok v religiozno-nravstvennoi zhizni russkogo naroda, trebuyushchii osobennogo pastyrskogo vnimaniya [An essential deficiency in the religious and moral life of the Russian people, requiring special pastoral attention] // RDSP, 1889, vol. I, no. 16, pp. 469–474.
- Voskresenskii A. Beseda svyashchennika s prikhozhanami, posle soversheniya tainstva eleosvyashcheniya (o некотorykh predrassudkakh prostogo naroda otnositel'no sego tainstva) [Conversation between the priest and the parishioners after the sacrament of anointing (about some prejudices of the common people regarding this sacrament)] // RDSP, 1861, vol. I, no. 6, pp. 145–155.

- V. P. Zapreshcheniya ili epitimii [Prohibitions or penances] // RDSP, 1887, vol. I, no. 1, pp. 51–61.
- Zametka. Ispoved' detei [Confession of children] // RDSP, 1909, vol. II, no. 23, pp. 142–144.
- Zamechaniya o sovershenii tainstva kreshcheniya [Notes on the performance of the sacrament of baptism] // RDSP, 1860, vol. III, no. 39, pp. 84–95.
- Z-v. Chem opravdyvayut nekotorye iz iereev praktikuemyi imi oblivatel'nyi obraz kreshcheniya vmesto pogruzhatel'nogo? [How do some of the priests justify their practice of pouring baptism instead of immersion?] // RDSP, 1887, vol. III, no. 46, pp. 315–323.
- Z. Po voprosu ob ispovedi bol'nykh [On the issue of confession of the sick] // RDSP, 1878, vol. III, no. 43, pp. 295–304.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ТЕОЛОГИЯ

ПЕРВОЕ СОБОРНОЕ ПОСЛАНИЕ АПОСТОЛА ИОАННА БОГОСЛОВА: БОГОСЛОВСКИЙ И ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО ТЕКСТА (НА ПРИМЕРЕ ИЗБРАННОГО ОТРЫВКА)

БЕЛЫЙ-КРУГЛЯКОВ ИАКОВ АЛЕКСАНДРОВИЧ, ИЕРЕЙ

АСПИРАНТ, СРЕТЕНСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ (РОССИЯ, МОСКВА)

YASHATUMEN85@GMAIL.COM

АННОТАЦИЯ: история церковнославянского языка чрезвычайно динамичная. В конце концов его активное литургическое употребление и развитие как литературного языка приводит по ряду политико-исторических, лингвистических, социальных причин к формированию русского литературного языка. Церковнославянский по сей день является живым. Но для его сохранения в качестве литургического следует на очередном историческом этапе проводить многоаспектный богословский и филологический комментарий богослужебных текстов, в том числе для потенциальной его структурно-смысловой адаптации. Так, в данной статье предлагается провести анализ избранного отрывка первого послания святого апостола Иоанна Богослова на церковнославянском языке, в том числе его экзегетический и филологический разбор.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: церковнославянский язык, богослужебный Апостол, соборные послания апостола Иоанна Богослова, богословие, экзегеза, филология, перевод.

PRACTICAL THEOLOGY

THE FIRST EPISTLE OF THE APOSTLE JOHN: THEOLOGICAL AND PHILOLOGICAL ANALYSIS OF THE CHURCH-SLAVONIC TEXT (BASED ON THE EXAMPLE OF A SELECTED PASSAGE)

BELY-KRUGLYAKOV IAKOV ALEXANDROVICH, PRIEST

POSTGRADUATE, SRETENSKY THEOLOGICAL ACADEMY (MOSCOW, RUSSIA)

YASHATUMEN85@GMAIL.COM

ABSTRACT: the history of the Church Slavonic language is extremely dynamic. In the end, its active liturgical use and development as a literary language leads, for a number of political-historical, linguistic, and social reasons, to the formation of the Russian literary language. Church Slavonic is still alive today. But in order to preserve it as liturgical, at the next historical stage it is necessary to carry out a multifaceted theological and philological commentary of liturgical texts, including for its potential structural and semantic adaptation.

Thus, this article proposes to analyze a selected passage of the first letter of the holy Apostle John the Theologian in Church Slavonic, including its exegetical and philological analysis.

KEYWORDS: Church Slavonic language, liturgical Apostle, conciliar letters of the Apostle John the Theologian, theology, exegesis, philology, translation.

Отрывок 1Ин. 4:11–21 имеет общую тему – любви к Богу и ближним. В рассматриваемом отрывке автор послания говорит о двух

важнейших постулатах – любви к Богу и любви к ближнему, которые объединяются в одно целое. Одно невозможно без другого, все это взаимно связано и составляет полноту. Он прямо пишет: Бога никто никогда не видел. Если мы любим друг друга, то Бог в нас пребывает, и любовь Его совершенна есть в нас (1Ин. 4:12).

Иными словами, любовь к ближнему является прямым доказательством того, что верующий пребывает в Боге и с Богом, а следовательно, в истинном Богообщении. В дальнейшем человек продолжает все более глубоко познавать Его, а его природа преобразается и становится способной постичь Божественную любовь [Михаил (Лузин) 2009: 654].

Новая парадигма любви как любви деятельной наблюдается именно в текстах апостола Иоанна Богослова и является основной идеей, которую он доносит до учеников Христовых.

В греческом тексте такая любовь отображается словом ἀγάπη [ага́пи]. Конечно, оно использовалось греками и в дохристианские времена, однако именно христианство дало ему новую окраску, возвысив этот термин и определив его как абсолютную и безусловную любовь, которой Бог любит человека. И величие христианского призвания состоит именно в этом – в призыве к Божественной любви [Иустин (Попович) 1998: 18]. Так, на Тайной вечери, утверждая Новый Завет, Христос призывает Своих учеников к чему-то большему, чем возлюбить ближнего как самих себя (Мф. 22:39). Он говорит: Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга (Ин. 13:34).

Евфимий Зигабен пишет: «Это – новая черта. Древняя заповедь повелевала любить ближнего, как самого себя, а эта повелевает любить больше, чем самого себя, потому что Иисус Христос так возлюбил нас, что и Самого Себя не пощадил, а умер за нас» [Толкование 1887: 177]. «Действительно, это странная (новая) мера любви. Такое и нам повелевает иметь расположение, чтобы совершенно ничего не ставить выше любви к братьям, ни славу, ни богатство, – без всяких колебаний даже дойти, если потребуется, до самой смерти плотской, дабы приобрести спасение ближнего», – толкует святитель Кирилл Александрийский [Кирилл Александрийский 2011: 174].

Любовь к ближнему является доказательством того, что в верующем пребывает Господь: «Чистая любовь к ближним нашим. Она есть признак нашего пребывания в Нем и Его в нас и потому еще, что Он дал нам от Духа Своего» [Феофилакт Болгарский].

Апостол опять повторяет мысль: пребывание в Боге и истинность Его исповедания проявляется в вере, что Иисус есть Сын Божий (1 Ин. 4:15). Любовь же совершенствует человека настолько, что

изгоняет страх из его сердца и делает способным дерзновения в день суда (παρρησία – открытость, доверие, уверенность [Роджерс 2001: 903]).

В конце главы вновь содержится призыв к исполнению двух важнейших заповедей – любви к Богу и ближнему. При этом автор послания подчеркивает, что без последнего невозможно первое. Преподобный Иустин (Попович) отмечает: «Христос есть Богочеловек, и любовь к Нему значит всегда: любовь к Богу и любовь к человеку» [Иустин (Попович) 1998: 58].

Стих 18

Стрѣха нѣсть въ любвѣ, но совершена любѣ бѣнз изгонѣтъ стрѣха, ꙗко
стрѣхъ мѣжъ имать: бѣнзѣ же не совершиша въ любвѣ.

Предлагаемое греческими источниками ἀγάπη на церковнославянский язык здесь переведено словом *любѣ* – *существительным 4-го склонения женского рода единственного числа в Именительном падеже*.

Оно имеет специфическую основу на -ы с расширением -ов-, которое входило в отдельный формоизменительный тип – на *ū: *И. п. ед. ч.* – *любѣ*; *Р. п. ед. ч.* – *любѣе* (*любѣ-е*). Изначальная форма *И. п. ед. ч.* для большинства таких существительных уже давно не фиксируется, ее место занял *В. п. ед. ч.* *Любѣ* вместе с большей частью таких существительных слово перешло в 3-е склонение. Туда же попали такие слова, как *крѣвь* (*кры*), *цѣрковь* (*цѣркы*) и др. Отдельные существительные влились во 2-е склонение. Среди них, например, слово *моисѣа* (*моисѣ*) [Маршева].

Как уже было отмечено, большинство подобных существительных претерпели изменения, и в исходной форме *И. п. ед. ч.* уже нигде не фиксируется. Однако и *любѣ* (*И. п. ед. ч.*) и *любѣе* (*В. п. ед. ч.*) продолжают сосуществовать в церковнославянских богослужебных текстах по сей день. Более того, обе формы зафиксированы в словарях [Лексикон 1961: 287].

В церковнославянском тексте Священного Писания, используемом за богослужениями, ἀγάπη переводится в разных местах и как *любѣ*, и как *любѣе*. При этом разница семантики и каких-либо эмоциональных оттенков отсутствует.

Отдельно следует заметить, что в наиболее древних из сохранившихся рукописей славянского Апостола, а именно в Охридском Апостоле-апракосе XII века рассматриваемый стих представлен так: *Бѣлѣзѣннѣ нѣтъ въ любвѣ нѣ свѣршена любѣвѣ нѣзлагѣтъ бѣлѣзѣннѣ а бѣлѣзѣннѣ мѣжъ имать а бѣлѣзѣннѣ свѣршѣтъ любѣе* [Отдел рукописей РГБ

Ф. 87: 82]. Используемый формат представления текста не полностью копирует то, что показывает рукопись, в частности, в палеографическом отношении. Для удобства здесь были проставлены пробелы. Стоит обратить внимание, что здесь имеется, по всей видимости, ошибка переписчика – пропуск отрицательной частицы *нь* перед глаголом *сзвръзшлетъ*. Подробное описание рукописи с обширными извлечениями из текста см. в [Срезневский 1868: 75–100, 269–300].

При этом надо обратить внимание: здесь анализируемое существовавшее уже используется не в изначальной форме И. п. ед. ч. Особенно это удивляет, если учесть мнение В. И. Григоровича, который полагал, что текст данной рукописи переписан с глаголического оригинала [Григорович 1848: 186; 1852: 64].

Основным выводом приведенного филологического комментария следует считать необходимость всестороннего и многоаспектного анализа церковнославянского текста апостольских посланий для последующего грамотного и бережного проведения его очередной адаптации.

Кроме того, в отдельных случаях, как и в предложенном выше, аккратная русификация может оказаться действительным возвращением к древним формам текста.

ЛИТЕРАТУРА

- Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Издательство Московской Патриархии, 2020.
- Григорович В. И. Очерк путешествия по Европейской Турции: с картой окрестностей Охридского и Преспанского озер. Кн. 3. Казань, 1848.
- Григорович В. И. Статьи, касающиеся древнего славянского языка. Казань: Тип. Императорского Казанского университета, 1852.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. СПб.; М.: Издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1881.
- Иустин (Попович), прп. Толкование на 1-е соборное послание святого апостола Иоанна Богослова. М.: Издательство Московского Подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1998.
- Кирилл Александрийский, свт. Толкование на Евангелие от Иоанна. В 2 т. Т. 2. М.: Сибирская Благозвонница, 2011.
- Лексикон словенороский Памви Беринди. К., 1961.
- Маршева Л. И. Четыре склонения имен существительных в церковнославянском языке. URL: http://sdsmp.ru/upload/files/news/Marsheva._4_skloneniya_suschestvitelnyih_v_tserkovnoslavyans6fa991.pdf (дата обращения: 14.12.2023).
- Михаил (Лузин), еп. Толковый Апостол. Соборные послания. М.: Правило веры, 2009.

- Феофилакт Болгарский, блж. Толкование на Первое послание святого апостола Иоанна. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Feofilakt_Bolgarskij/tolkovanie-na-pervoe-poslanie-svjatogo-apostola-ioanna (дата обращения: 15.10.2023). Отдел рукописей РГБ. Ф. 87. Собрание рукописных книг В. И. Григоровича. № 13. Апостол-апракос, по месту прежнего нахождения известный под именем Охридского.
- Роджерс К. Л. Новый лингвистический и экзегетический ключ к греческому тексту Нового Завета. СПб.: Библия для всех, 2001.
- Словарь Академии Российской (в 6 т.). Ч. III: З-М. СПб.: Императорская Академия Наук, 1792.
- Словарь церковно-славянского и русского языка. Т. II: З-Н. СПб.: Императорская Академия Наук, 1847.
- Срезневский И. И. Древние славянские памятники юсового письма, с описанием их и с замечаниями об особенностях их правописания и языка. СПб.: тип. Акад. наук, 1868.
- Толкование Евангелия от Иоанна, составленное по древним святоотеческим толкованиям Византийским, XII века, ученым монахом Евфимием Зигабоном. Перевод с греческого. К., 1887.

REFERENCES

- Bibliya. Knigi Syvashchennogo Pisaniya Vetskogo i Novogo Zaveta [Bible. Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments]. Moscow: Publishing House of the Moscow Patriarchate, 2020.
- Grigorovich V. I. Oчерк puteshestviya po Evropeiskoi Turtsii: s kartoi okrestnostei Okhridskogo i Prespanskogo ozer [Essay on a trip to European Turkey: with a map of the surroundings of lakes Ohrid and Prespa]. Kazan, 1848 (2015). 217 p. Reprint: Scientific notes of Kazan University, 1848, book 3.
- Grigorovich V. I. Stat'i, kasayushchiesya drevnego slavyanskogo yazyka [Articles relating to the ancient Slavic language]. Kazan: Type. Imperial Kazan University, 1852.
- Dal V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. T. 2. St. Petersburg, Moscow, Publication of bookseller-typographer M. O. Wolf, 1881.
- Iustin (Popovich), prp. Tolkovanie na 1-e sobornoe poslanie svyatogo apostola Ioanna Bogoslova. [Interpretation of the First Council Epistle of the Holy Apostle John the Theologian]. Moscow, Publishing house of the Moscow Compound of the Holy Trinity Sergius Lavra, 1998.
- Kirill Aleksandriiskii, svt. Tolkovanie na Evangelie ot Ioanna. [Commentary on the Gospel of John]. Vol. 2. Moscow, Siberian Blagovonnitsa, 2011.
- Leksikon slovenorodskii Pamvi Berindi [Slovenian Lexicon Pamvi Berindi]. K., 1961, p. 60.
- Dictionary of the Russian Academy (in 6 volumes). Part III: Z-M. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1792.

- Marsheva L. I. Chetyre skloneniya imen sushchestvitel'nykh v tserkovnoslavyanskom yazyke [Four declension of nouns in the Church Slavonic language] // URL: http://sdsmp.ru/upload/files/news/Marsheva._4_skloneniya_suschestvitelnykh_v_tserkovnoslavyans-6fa991.pdf (accessed: 14.12.2023).
- Mikhail (Luzin), bishop. Tolkovyj Apostol. Sobornye poslaniya [Intelligent Apostle. Council messages]. Moscow, Rule of Faith, 2009.
- Feofilakt Bolgarskii, bl. Tolkovanie na Pervoe poslanie svyatogo apostola Ioanna [Interpretation of the First Epistle of the Holy Apostle John]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Feofilakt_Bolgarskij/tolkovanie-na-pervoe-poslanie-svyatogo-apostola-ioanna (accessed: 15.10.2023).
- Department of Manuscripts of the Russian State Library / F. 87 Collection of handwritten books by V. I. Grigorovich / F. 87, no. 13. Apostol-aprakos, po mestu prezhnego nakhozhdeniya izvestnyi pod imenem Okhridskogo [Apostle-aprakos, at the place of his former location known under the name of Ohridsky].
- Rogers K. L. Novyi lingvisticheskii i ehkzegeticheskii klyuch k grecheskomu tekstu Novogo Zaveta [New linguistic and exegetical key to the Greek text of the New Testament]. St. Petersburg, Bible for everyone, 2001.
- Slovar' Akademii Rossiiskoi [Dictionary of the Russian Academy] (in six volumes). Part III: Z-M. St. Petersburg, Imperial Academy of Sciences, 1792.
- Slovar' tserkovno-slavyanskago i russkago yazyka [Dictionary of Church Slavonic and Russian languages]. T. II: Z-N. St. Petersburg, Imperial Academy of Sciences, 1847.
- Sreznevskii I. I. Drevnie slavyanskije pamyatniki yusovogo pis'ma, s opisaniem ikh i s zamechaniyami ob osobennostyakh ikh pravopisaniya i yazyka [Ancient Slavic monuments of the Yus writing, with a description of them and with comments about the peculiarities of their spelling and language]. St. Petersburg, type. Academician Sciences, 1868.
- Tolkovanie Evangelija ot Ioanna, sostavlennoe po drevnim svyatootecheskim tolkovaniyam Vizantiiskim, XII veka, uchenym monakhom Evfimiem Zigabenom [Interpretation of the Gospel of John, compiled according to the ancient patristic interpretations of the Byzantine, 12th century, by the learned monk Euthymius Zigaben]. Translation from Greek. K., 1887.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ТЕОЛОГИЯ

ИРМОС 7 ПЕСНИ ПЕРВОГО КАНОНА СВЯТОЙ ПЯТИДЕСЯТНИЦЫ НА ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ (БОГОСЛОВСКИЙ И ЛЕКСИКО- СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

ИВАНОВ АЛЕКСАНДР ЕВГЕНЬЕВИЧ, диакон

БАКАЛАВР ТЕОЛОГИИ, СТУДЕНТ 1 КУРСА МАГИСТРАТУРЫ СРЕТЕНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕ-
МИИ

ALEXANDERVARNICKY@MAIL.RU.

АННОТАЦИЯ: в настоящей статье представлен богословский и лексико-семантический анализ ирмоса седьмой песни первого канона Пятидесятницы на церковнославянском языке, который заключается прежде всего в поступательном структурно-смысловом прояснении текста.

При анализе используются переводы на русский язык священника Михаила Желтова, Е. Ловягина, М. Скабаллановича и др., а также происходит обращение к оригинальному тексту Триоди на греческом.

В итоге представлена возможная версия структурно-смыслового прояснения для лучшего понимания современным слушателем богослужения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: гимнография, церковнославянский язык, греческий язык, Пятидесятница, канон, ирмос, песнь.

PRACTICAL THEOLOGY

IRMOS OF 7TH SONG OF THE FIRST CANON OF HOLY PENTECOST (THEOLOGICAL AND LEXICAL-SEMANTIC ANALYSIS)

IVANOV ALEXANDER EVGENIEVICH, DEACON

BACHELOR OF THEOLOGY, STUDENT OF THE 1ST YEAR OF THE MASTER'S PROGRAM
AT THE SRETENSKY THEOLOGICAL ACADEMY
ALEXANDERVARNICKY@MAIL.RU

ABSTRACT: this article presents a theological and lexical-semantic analysis of the irmos of the seventh ode of the first canon of Pentecost in Church Slavonic, which consists primarily in the progressive structural and semantic clarification of the text.

The analysis uses translations into Russian by priest Mikhail Zheltov, E. Lovyagin, M. Skaballanovich and others, and also refers to the original text of the Triodion in Greek.

As a result, a possible version of the structural and semantic clarification is presented for a better understanding by the modern listener of worship.

KEYWORDS: hymnography, Church Slavonic, Greek, Pentecost, canon, irmos, song.

Православная Церковь имеет 12 особых дат, которые именуются двенадцатыми праздниками, то есть «12 праздников, в православной традиции считающихся наиболее важными после праздника Пасхи» [Лукашевич 2006: 266]. Одним из таких торжеств является День Святой Пятидесятницы – день Сошествия Святого Духа на апостолов (Деян. 2:2–4).

В День Святой Пятидесятницы богослужебный Устав предполагает пение двух канонов авторства преподобных Космы Маюмского и Иоанна Дамаскина [Службы 2013: 1033]. Оба святых отца жили в Палестине в VIII веке и стали основателями Палестинской (Иерусалимской) поэтической школы [Никифорова 2005: 94], которая разрабатывала жанр гимнографического канона в духе раннехристианской поэзии [Никифорова 2005: 100], вытеснив раннюю многострофную форму – кондак [Дворецкий т. 2: 208].

Творцы праздничных канонов опираются на сведения о сошествии Святого Духа на апостолов, приведенные апостолом и евангелистом Лукой в книге Деяний святых апостолов, а также неоднократно дословно или близко к тексту цитирует евангельский текст. Помимо этого следует отметить, что авторы канонов используют богословские концепции, разработанные Отцами Церкви, занимавшимися формулированием триадологических догматов. Здесь надо сказать, что триадология – это учение о Пресвятой Троице, которое заключается в вере, что Бог Един по Сущности, но троичен в Лицах: Отец, Сын и Святой Дух [Филарет (Дроздов) 2013: 24].

Преподобный Косма Маюмский, внесший большой вклад в развитие жанра канона [Дворецкий т. 2: 208], писал на греческом языке, с которого с принятием славянами христианства были сделаны переводы на церковнославянский. Но в большинстве случаев переводчики использовали дословный перевод, соблюдая многие правила оригинального синтаксиса. В связи с развитием языка богослужебные тексты становятся менее понятными для людей, поэтому необходимо произвести их структурно-смысловые прояснения.

Греческий оригинал [Πεντηκοστάριον 1890: 196]

Οἱ ἐν καμίνῳ τοῦ
 πυρὸς ἐμβληθέντες
 ὅσιοι Παῖδες, τὸ πῦρ
 εἰς δρόσον μετέβαλον,
 διὰ τῆς ὑμνωδίας, οὕτω
 βοῶντες: Εὐλογητὸς
 εἰ Κύριε, ὁ Θεὸς τῶν
 Πατέρων ἡμῶν.

Церковнославянский текст [Триодъ Цветная 2002: 241]

Въ пѣщь ѿгненнѣю
 вверженн прѣбнѣи
 ѿтроцы, ѿгнь въ рѣцѣ
 преложнѣша,
 воспѣвѣнїемъ нѣце
 копїице: бѣгословѣнъ
 єси гдѣ бже ѿтѣца
 нашнхъ.

Возможная версия структурно-смыслового прояснения

Прѣбнѣи ѿношы
 въ пѣщь ѿгненнѣю
 вверженн, жѣхъ
 въ рѣцѣхъ нзмѣннѣша,
 торжѣственными
 пѣснями прославляюще
 тѣмъ: бѣгословѣнъ
 єси гдѣ бже ѿтѣца
 нашнхъ.

Данный ирмос отсылает к ветхозаветным событиям, где правитель Вавилонского царства Навуходоносор бросил трех отроков Ананию, Азарию и Мисаила в печь на сожжение за то, что те не поклонились золотому истукану по указанию царя (Дан. 3:5). Но юноши были праведниками перед Богом, и Тот не дал им сгореть, а послал прохладу с небес (Дан. 3:19–50). И Азария (Дан. 3:26–45), а затем и все вместе (Дан. 3:51–90) воспели песнь, начало которых в данном ирмосе цитируется: Благословен Ты, Господи Боже отцев наших.

Стоит отметить, что этот ирмос не является уникальным и встречающимся только в богослужении, посвященном Святой Пятидесятнице, но он есть в седьмых песнях канонов Октоиха седьмого гласа, в «Неделе на повечерии, канон молебный Пресвятой Богородицы» [Октоих 2001: 328], на утрени 16 декабря святого пророка Аггея [16 декабря] и др.

Примечательно выражение *Oi ἐν καμίνῳ τοῦ πυρὸς ἐμβληθέντες ὅσιοι Παῖδες, τὸ πῦρ εἰς δρόσον μετέβαλον* – *Вз пѣщь ѿгнѣннѹю ввѣржени прѣбѣннѹ ѿтроцы, ѿгнь вз рѹсѹ прѣложнѣша*.

Греческое слово *Παῖδες* (*noun, pl., masc., nom., indeclform*) – от *παῖς*, «ребенок», «дитя», «мальчик» или «девочка», «юный раб», pl. «сыны» [Дворецкий т. 2: 1219–1220] – переведено как *ѿтроцы*. Его предлагается заменить на *ѣношы*. Такого слова нет в переводах священника Михаила Желтова [Желтов 1875: 43], М. Н. Скабаллановича [Скабалланович 1916: 94], Е. И. Ловягина [Ловягин 1875: 75] и архимандрита Феогноста (Пушкова) [Феогност], но имеется в версии иеромонаха Амвросия (Тимрота) [Амвросий], а также в переложении, над которым работали архимандрит Спиридон, диакон Святослав Сѣмак, А. Коломиец, А. Водич, Л. Сѣмак (далее – киевский перевод) [Службы праздника 2013: 32].

Однако *ѿтрокѹ* имеет несколько значений: мальчик-подросток (*Запрети же Иисус духови нечистому, и исцели отрока, и вдаде его отцу его*) (Лк. 9:42), ребенок вообще (*Собрашася к нему от Израиля собрание велие зело, мужие и жены и отроцы яко плакахуся людие и вознесоша плачь*) (1 Ездр. 10:1), юноша-холостяк (*И рече: проклятъ [буди] Ханаан отрок: раб будет братиям своим*) (Быт. 9:25), слуга или раб (*Востав же Авраам утро, оседла осла свое: поят же с собою два отрочища и Исаака сына своего*) (Быт. 22:3), служитель или помощник при ком-либо (*А се мостнику уроци... а мостнику самому ехать со отроком на дву коню*) (Правда Русская, 1282 год), воины (*Венцем мучения, пострадавшие, законно одеястеся, отроцы седмь*) (песнь 9 канона утрени, Минея, 4 августа) [Словарь русского языка 1988: 19–20].

Таким образом, многозначность слова может привести к путанице в смыслах для человека, который плохо ориентируется в Священном Писании, и ее лучше избежать.

Πῦρ (*noun, sg., neut., acc.*) – от πῦρ, «огонь», «пламень», «погребальный костер», «жертвенный огонь», «небесный огонь», «молния», «жар», «пыл», «страсть» [Дворецкий т. 2: 1443], переведено как **О́гнь**.

Δρόσος (*noun, sg., fem., acc.*) – от δρόσος, «роса» (*pl.*), «влага», «вода», «свежесть», «отрада», «детеныш» [Дворецкий т. 1: 427], переведено как **ро́сѣ**.

Предлагается **О́гнь** **вз** **ро́сѣ** заменить на **жѣзъ** **вз** **прохлѣдѣ**. Данное словосочетание у священника Михаила Желтова [Желтов 1875: 43], М. Н. Скабаллановича [Скабалланович 1916: 94], Е. И. Ловягина [Ловягин 1875: 75], иеромонаха Амвросия (Тимрота) [Амвросий], архимандрита Феогноста (Пушкова) [Феогност] и в киевском переводе [Службы праздника 2013: 32] не изменено, а перенесено из богослужебного текста, в котором теряется смысл библейского текста: **Нѣ** **сочвори** **срѣднѣе** **пѣцин** **ѣкѡ** **дѣхъ** **росы** **шѣмѣць** (церковнославянский перевод; Дан. 3:50) и И сделал, что в середине печи был как бы шумящий влажный ветер (синодальный перевод; Дан. 3:50).

То есть в данном тексте говорится не о росе, а о духе росы, который не заменил огонь, а появился среди пламени. А значит, мог потухнуть огонь в их местонахождении или только жар стал свежестью.

Μεταβαλον (*verb., 3rd, pl., aor., ind., act.*) – от μεταβάλλω, «поворачивать», «переделывать», «изменять», «(из-) менять», «заниматься обменом», «торговать», «изменять мнение», «образ действий», «терять», «утрачивать», «усваивать (взамен старого)», «приобретать», «вводить (у себя)», «устанавливать», «посылать (взамен старого)», «отправлять», «переселяться», «переходить» [Дворецкий т. 1: 1077], переведено как **преложѣша**. Его стоит заместить на **нѣзмѣнѣша**.

Существуют иные варианты адаптации данного слова в переводах. Так, М. Н. Скабалланович [Скабалланович 1916: 95], священник Михаил Желтов [Желтов 1875: 43] и иеромонах Амвросий (Тимрот) [Амвросий] используют слово *претворили*, Е. И. Ловягин – *пременили* [Ловягин 1875: 75], киевский перевод – *переменили* [Службы праздника 2013: 32], а у архимандрита Феогноста (Пушкова) стоит *превратили* [Феогност]. Данные версии либо не разъясняют смысл вообще, либо искажают его. Например, *превратили* может создать впечатление некоего магизма, что является противоречием Священному Писанию.

Предлагается словосочетание **прѣнѣнѣи** **ѣношы** перенести в начало предложения [Дворецкий т. 2: 198], что сделано в киевском переводе,

но только преподобнии заменены на благочестивые [Службы праздника 2013: 32], что также возможно, но в данном случае первое является степенью святости, которые приписывается данным святым в качестве устоявшегося термина.

Далее следует *διὰ τῆς ὑμνῳδίας, οὕτω βοῶντες* – *воспѣваніемъ и́нѣ копѣице*.

Слово *ὑμνῳδίας* – от *ὑμνῳδία*, «торжественное песнопение», «гимн», «вещающая песнь», «прорицание» [Дворецкий т. 1: 1664] – передано как *воспѣваніемъ*. Его возможно исправить на *торжѣственными пѣсньми*. Но М. Н. Скабалланович [Скабалланович 1916: 95], священник Михаил Желтов [Желтов 1875: 43] используют имеющееся чтение, Е. И. Ловягин [Ловягин 1875: 75] и киевский перевод [Службы праздника 2013: 32] – в песнопении, иеромонах Амвросий (Тимрот) – песнопением [Амвросий], а у архимандрита Феогноста (Пушкова) [Феогност] налицо дивную песнь.

Οὕτω (*adv., indeclform*) – от *οὕτως*, «так», «таким образом», «до такой степени», «до того», «настолько», «столь», «просто так», «бесцельно», «впустую», «после чего», «тогда-то», «затем» [Дворецкий т. 1: 1210], переведено как *и́нѣ*. Его предлагается заменить на *тѣ́къ* [Октоих 2001].

Βοῶντες (*part., pl., pres., act., masc., nom.*) – от *βοάω*, «издавать крик(и)», «кричать», «шуметь», «реветь», «громко звать», «призывать», «громко приказывать», «громко петь», «распевать», «воспевать», «прославлять», о звуках: «издавать», «испускать», «поднимать» [Дворецкий т. 1: 299] – передано как *копѣице*. Предлагается заместить на *прославля́юще* [Полный православный словарь].

Имеются и другие варианты перевода: М. Н. Скабалланович [Скабалланович 1916: 95], священник Михаил Желтов [Желтов 1875: 43], Е. И. Ловягин [Ловягин 1875: 75], иеромонах Амвросий (Тимрот) [Амвросий] и киевский перевод [Службы праздника 2013: 32] используют слово *взывая*, архим. Феогност (Пушков) – *воспевая* [Феогност]. Но встречающиеся варианты в других переводах не дают полноценно понимать текст.

Итак, в современных условиях, при значительном упрощении русского языка и падении общего уровня церковной образованности среди русских людей, верное восприятие подобных текстов становится практически невозможным, поэтому канон Святой Пятидесятнице нуждается в дальнейшем изучении, богословском и филологическом анализе.

ЛИТЕРАТУРА

- 16 декабря: Святого пророка Аггея. URL: <https://lib.pravmir.ru/library/readbook/1855> (дата обращения: 30.05.2023).
- Амвросий (Тимрот), иером. Триодъ Цветная. URL: https://vk.com/doc-73046676_311256196 (дата обращения: 21.06.2023).
- Библия на церковнославянском языке. URL: http://www.my-bible.info/biblio/bib_tsek (дата обращения: 30.05.2023).
- Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Заветов. М.: Российское библейское общество, 2015. 1330 с.
- Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь. В двух томах. Т. 1. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958. 1043 с.
- Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь. В двух томах. Т. 2. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958. 1905 с.
- Желтов М., свящ. Канон / Православная энциклопедия. Т. 30. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2012. С. 204–212.
- Желтов М., свящ. Тексты службы праздника Пятидесятницы на церковнославянском и русском языках. СПб.: Синодальная типография, 1875. 104 с.
- Ловягин Е. И. Богослужебные каноны на греческом, славянском и русском языках. СПб.: Синодальная типография, 1875. 243 с.
- Лукашевич А. А. Дванадесятые праздники / Православная энциклопедия. Т. 14. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2006. С. 266–269.
- Никифорова А. Ю. Проблема происхождения служебной минеи: структура, состав, месящеслов греческих миней IX–XII вв. М.: (ИМЛИ), 2005. 321 с.
- Октоих, сиесть Осмогласник. Гласы 5–8. Киев: Киевская митрополия УПЦ, 2001. 672 с.
- Полный православный церковнославянский словарь. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/polnyj-pravoslavnyj-tserkovnoslavjanskij-slovar/20> (дата обращения: 03.06.2023).
- Русская грамматика. Т. II. Синтаксис. М.: Изд-во «Наука». 714 с.
- Скабалланович М. Н. Христианские праздники. Пятидесятница. Кн. 5. Киев: Издание журнала «Проповеднический листок», 1916. 179 с.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 14. М.: Наука, 1988. 311 с.
- Службы праздника Пятидесятницы с русским переводом и изъяснением (Всеобщая, Литургия, Вечерня коленопреклонения). К., 2013. 80 с.
- Типикон, сиесть Устав. М.: Издательский Совет РПЦ, 2002. 1200 с.
- Триодъ Цветная. М.: Издательский совет Русской Православной Церкви, 2002. 520 л.
- Феогност (Пушков), архим. Пятидесятница (файл «Утреня и каноны» канала в Telegram o.thg от 02.06.2023).
- Филарет (Дроздов), свт. Катехизис. М.: Благовест, 2013. 31 с.
- Πεντηκοστάριον Χαριόσυνον. Βενετία: Ο φοινίε, 1890. 242 σ.

REFERENCES

- 16 dekabrya: Svyatogo proroka Aggeya. URL: <https://lib.pravmir.ru/library/readbook/1855> (accessed: 30.05.2023).
- Amvrosii (Timrot), ierom. Triod' Tsvetnaya. URL: https://vk.com/doc-73046676_311256196 (accessed: 21.06.2023).
- Bibliya na tserkovnoslavyanskom yazyke. URL: http://www.my-bible.info/biblio/bib_tsek (accessed: 30.05.2023).
- Bibliya. Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vetkhogo i Novogo Zavetov. Moscow, Rossiiskoe bibleiskoe obshchestvo, 2015, 1330 p.
- Dvoretiskii I. KH. Drevnegrechesko-russkii slovar'. V dvukh tomakh, vol. 1. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarei, 1958, 1043 p.
- Dvoretiskii I. KH. Drevnegrechesko-russkii slovar'. V dvukh tomakh, vol. 2. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarei, 1958, 1905 p.
- Zhel'tov M., svyashch. Kanon / Pravoslav'naya ehntsiklopediya, vol. 30. Moscow, Tserkovno-nauchnyi tsentr "Pravoslav'naya ehntsiklopediya", 2012, pp. 204–212.
- Zhel'tov M., svyashch. Teksty sluzhby prazdnika Pyatidesyatnitsy na tserkovnoslavyanskom i russkom yazykakh. Saint Petersburg, Sinodal'naya tipografiya, 1875, 104 p.
- Lovyagin E. I. Bogoslužebnye kanony na grecheskom, slavyanskom i russkom yazykakh. Saint Petersburg, Sinodal'naya tipografiya, 1875, 243 p.
- Lukashevich A. A. Dvunadesyatye prazdniki / Pravoslav'naya ehntsiklopediya, vol. 14. Moscow, Tserkovno-nauchnyi tsentr "Pravoslav'naya ehntsiklopediya", 2006, p. 266–269.
- Nikiforova A. YU. Problema proiskhozhdeniya sluzhebnoi minei: struktura, sostav, mesyatseslov grecheskikh minei IX–XII vv. Moscow, (IMLI), 2005, 321 p.
- Oktoikh, siest' Osmoglasnik. Glasy 5–8. Kiev, Kievskaya mitropoliya UPTS, 2001, 672 p.
- Polnyi pravoslavnyi tserkovnoslavyanskii slovar'. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/polnyj-pravoslavnyj-tserkovnoslavyanskij-slovar/20> (accessed: 03.06.2023).
- Russkaya grammatika. T. II. Sintaksis. Moscow, Nauka Publ., 714 p.
- Skaballanovich M. N. Khristianskie prazdniki. Pyatidesyatnitsa. Kn. 5. Kiev: Izdanie zhurnala "Propovednicheskii listok", 1916, 179 p.
- Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv, iss. 14. Moscow, Nauka Publ., 1988, 311 p.
- Sluzhby prazdnika Pyatidesyatnitsy s russkim perevodom i iz'yasneniem (Vsenoshchnaya, Liturgiya, Vechernya kolenoprekloneniya). K., 2013, 80 p.
- Tipikon, siest' Ustav. Moscow, Izdatel'skii Sovet RPTS, 2002, 1200 p.
- Triod' Tsvetnaya. Moscow, Izdatel'skii sovet Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi, 2002, 520 l.

Α. Ε. **Иванов**. Ирмос 7 песни первого канона Святой Пятидесятницы
Α. Ε. **Ivanov**. Irmos of 7th Song of the First Canon of Holy Pentecost

Feognost (Pushkov), arkhim. Pyatidesyatnitsa (fail “Utrenya i kanony” kanala v Telegram o.thg ot 02.06.2023).

Filaret (Drozdov), svt. Katekhizis. Moscow, Blagovest Publ., 2013, 31 p.

Πεντηχοστάριον Χαρμόσυνον. Βενετία: Ο φοινίε, 1890. 242 ζ.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ТЕОЛОГИЯ

ЭСХАТОЛОГИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЛЕГЕНДЫ О ГРАДЕ КИТЕЖЕ

КИСЛОВ ТИХОН СЕРГЕЕВИЧ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРОСВЕЩЕНИЯ, ФАКУЛЬТЕТ ИСТОРИИ, ПОЛИТОЛОГИИ И ПРАВА, СТУДЕНТ 4 КУРСА БАКАЛАВРИАТА (г. Мытищи, Московская область, Россия)
TIKHON.MM@MAIL.RU

АННОТАЦИЯ: в статье рассматриваются эсхатологические представления, содержащиеся в легенде о невидимом граде Китеже. Производится сравнение старообрядческой эсхатологии, содержащейся в легенде, с аналогичными представлениями в домонгольский период. Рассмотрены некоторые данные исторических источников, археологии, этнографии, использованы сведения о глобальных климатических изменениях. Показано прямое влияние средневековых религиозных представлений на формирование эсхатологической составляющей китежской легенды. Автор приходит к выводу, что выявленная связь между двумя группами указанных представлений является еще одним аргументом в пользу наличия средневековой исторической основы легенды о граде Китеже.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Китеж, Нижегородское Заволжье, старообрядчество, эсхатологические представления, Гог и Магог, монгольское нашествие.

PRACTICAL THEOLOGY

ESCHATOLOGICAL COMPONENTS OF THE KITEZH LEGEND

KISLOV TIKHON SERGEEVICH

STATE UNIVERSITY OF EDUCATION, FACULTY OF HISTORY, POLITICAL SCIENCE AND LAW, 4RD YEAR STUDENT (MYTISHCHI, RUSSIA)
TIKHON.MM@MAIL.RU

ABSTRACT: the article deals with the eschatological concepts of the legend about the invisible city of Kitezh. The author compares the Old Believers' eschatology contained in the legend with similar concepts in the pre-Mongol period, having studied certain historical, archeological, ethnographic sources and information on global climate change. One can trace the direct influence of medieval religious beliefs on the formation of the eschatological component of the Kitezh legend. The author comes to the conclusion that the revealed connection between the two groups of these concepts can serve as an additional argument in favor of the existence of a medieval historical basis for the Kitezh legend.

KEYWORDS: Kitezh, Nizhniy Novgorod Zavolzhye, Old believers, eschatological concepts, Gog and Magog, The Mongol invasion.

Ключевыми составляющими русской культурной традиции являются защита Отечества, защита веры, эпическая и эсхатологическая составляющие. Любой культурный сюжет, содержащий в себе одну из этих составляющих (или соединяющий сразу несколько), достаточно быстро становится популярным и, следовательно, привлекает пристальное внимание историка. Одним из таких особых сюжетов является легенда о невидимом граде Китеже на озере Светлояр, в окончательном варианте сложившаяся в среде старообрядцев Заволжья, но повествующая о периоде русского Средневековья, и записанная в памятнике старообрядческой литературы «Китежский летописец» [Китежский летописец].

В китежской легенде встретились сразу все четыре ключевые составляющие:

1. Защита Отечества – борьба с монгольскими завоевателями.
2. Защита веры – Китеж, скрытый город праведников, посторонним путь в него закрыт.
3. Эпическая составляющая – легенда не ограничивается исключительно китежским сюжетом, но предлагает широкий экскурс в историю домонгольской Руси – действие легенды происходит в Новгороде, Пскове, Москве, Ростове и т. д.
4. Эсхатологическая составляющая – Китеж откроется только перед концом света.

Китежская легенда достаточно долгое время считалась выдумкой, сложившейся в среде одного из старообрядческих толков – бегунов, распространение легенды пресекалось властями, запрещались религиозные собрания на Светлояре. Исторические исследования говорили лишь о косвенном влиянии средневековой истории на формирование легенды [Комарович 1936: 152], и лишь в последние годы археологические исследования позволили доказать ее средневековые истоки. Достоверно установленные средневековые истоки китежской легенды, позволяют также предположить не старообрядческие, а средневековые истоки ее эсхатологической составляющей, занимающей важнейшее место в легенде.

В настоящей статье предпринята попытка прояснить средневековое происхождение старообрядческих эсхатологических представлений, содержащихся в китежской легенде. Для решения поставленной задачи используется метод исторической компаративистики – сравнение эсхатологических представлений старообрядчества и аналогичных представлений домонгольского периода.

Китежская легенда достаточно давно изучается в научной среде. Из исследователей, достигших наиболее серьезных результатов в ее изучении, следует выделить В. Л. Комаровича, написавшего первый капитальный труд, посвященный Китежу «Китежская легенда. Опыт изучения местных легенд», академика Д. С. Лихачёва, одним из первых заявившего о возможных средневековых истоках легенды [Лихачев 1981: 16], а также археолога Е. В. Четвертакова, обнаружившего средневековые славянские поселения на берегах Светлояра и таким образом установившего факт заселения района действия легендарного сюжета в достарообрядческую эпоху [Археологическая карта 2015: 295, 298; Четвертаков 2015: 306–307].

Для русских эсхатологических легенд характерно складывание их одновременно из нескольких источников, различаемых как по времени возникновения, так и по содержанию (в них может входить одновременно и религиозный и фольклорный материал). Легенда о граде Китеже не является исключением, и в ее сюжете четко прослеживается несколько разновременных и разнохарактерных составляющих.

Как известно, в Средние века на Руси фиксируется несколько всплесков эсхатологических ожиданий – первый из них относится концу XI века и связан с нашествием половцев [Карпов 2014: 221]. Второй всплеск имел место в начале XIII века и был вызван падением Константинополя в 1204 г. (что рассматривалось как кризис мирового православия), а также глобальными климатическими изменениями,

получившими название «малый ледниковый период», которые спровоцировали падение урожайности, голод, увеличение смертности и серьезный отток населения из городов [Асонов 2022: 61]. Каждый из этих всплесков породил собственные комплексы эсхатологических сюжетов. В китежской легенде видны следы влияния как первого, так и второго эсхатологического всплесков.

Мотив «невидимости» Китежа недостаточно четко описан в тексте «Китежского летописца», однако это компенсировано в устных легендах – город может покоиться под землей, на дне озера или просто стоять невидимый на его берегах. Нас интересует одна из этих легенд, опубликованная в статье С. П. Меледина «Китиж на Светлоярском озере», – хронологически первая из опубликованных и предполагающая расположение Китежа под «Святыми горами» – группой холмов на южном берегу Светлояра: «Окружные жители это место считают святынею <...> они утверждают, что в недрах земли под этим бугром есть город» [Меледин 1843: 508].

Упомянутое в приведенном отрывке место действия эсхатологического сюжета, находящееся под землей, сразу заставляет вспомнить похожий сюжет из «Повести временных лет»:

«Се же хощю сказати, яже слышахъ прежде сихъ 4 летъ, яже сказа ми Гурята Роговичъ, новгородецъ <...> ...Суть горы заидуче в луку моря, имъже высота акы до небеси, и в горахъ тыхъ кличъ великъ и говоръ, и секутъ гору, хотяще просечися. И есть в горе той просечено оконце мало, и туда молвять. Не разумети языку ихъ, но кажють железо и помавають рукою, просяще железа; и аще кто дасть имъ железо – или ножъ, или секиру – и они даютъ скорою противу. Есть же путь до горъ техъ непроходимъ пропастьми, снегомъ и лесомъ, темъ не доходимъ ихъ всегда <...> Мне же рекшю к Гуряте: Се суть людье, заклеплене Олексанъдромъ, макидоньскомъ цесаремъ, якоже сказа о нихъ Мефедий Патарийскъ <...> У последняя же дни по сихъ осми коленъ, иже изиидуть от пустыня Етривъския, изидуть си скверный языци, яже суть в горахъ полунощныхъ, по повелѣнью Божью» [Повесть временных лет].

Упомянутый отрывок, содержащий средневековые эсхатологические ожидания, интересен нам двумя особенностями. Первая из них связана с подземным местом действия эсхатологического сюжета – неизвестный народ обитает внутри горы, что имеет параллель с вариантом китежской легенды, переданной Мелединым.

Вторая особенность («есть же путь до горъ техъ непроходимъ пропастьми, снегомъ и лесомъ, темъ не доходимъ ихъ всегда») содержит

определенную параллель с текстом «Китежского летописца» об особенностях дороги в Китеж: «Если какой человек обещается истинно идти в него, а не ложно, и от усердия своего поститься начнет, и многие слезы прольет, и пойдет в него, и обещается лучше голодной смертью умереть, а его не покинуть, и иные многие скорби претерпеть и даже смерть умереть, знай, что спасет Бог такового» [Китежский летописец].

Мы видим, что и в средневековой, и в старообрядческой китежской легендах достижение места действия эсхатологического сюжета подразумевает прохождение череды испытаний. Выявленные параллели в сюжетах двух легенд позволяют сделать предположение о влиянии сюжета легенды из «Повести временных лет» на сюжет одной из легенд китежского цикла, то есть легенда о «заклепанных людях» и легенда о Китеже суть явление одного порядка. Вообще, как можно заметить, в русской культуре эсхатологические сюжеты тесно связаны с мотивом освоения неизвестных территорий, покорения природы – соответственно Полярного Урала и болотистых лесных массивов Заволжья – что нашло отражение и в «Китежском летописце»: «Тогда побегут в горы, и в вертепы, и в пропасти земные» [Китежский летописец].

Легенда о заключенных Александром Македонским на крайнем севере народов не является исключительно славянской. Эту же легенду мы видим у Ибн-Фадлана [Путешествие 1939: 75–76], причем также в привязке к месту действия легенды из «Повести временных лет» (Полярный Урал). Давно замечено, что этот сюжет напоминает ненецкие легенды о подземном народе «сиртя» – предположительно, досамодийском населении Северной Евразии [Карпов 2014: 235]. Кроме того, следует отметить, что похожий сюжет имеют и легенды о «чуди белоглазой», совместившие в себе и сведения о сиртя, и отголоски реальных событий периода колонизации славянами финно-угорских земель.

Параллели между событиями в Северо-Восточной Руси домонгольского периода и периода старообрядческой колонизации этих же территорий – всплеск эсхатологических настроений, массовый исход населения из городов, увеличение количества монастырей [Асонов 2022: 58] – доказывают, что заволжские старообрядцы, составившие «Китежский летописец», использовали действительные события средневекового периода, сохранившиеся в народной памяти жителей Заволжья.

Обнаружение славянских поселений на берегах Светлояра заманчиво объяснить бегством жителей, например, разрушенного монголами Городца в отдаленные районы Заволжья – бедность находок на поселениях Светлояр-2 и Владимирское, предварительно датируемых 2-й пол. XIII – 1-й пол XV вв. [Археологическая карта 2015: 295, 298; Четвертаков 2015:

306–307], вроде бы может служить доказательством этого предположения – но бегство «на землю» городского населения происходило и раньше. Батыево нашествие не было единственной причиной, заставившей массы населения бежать «в леса», монгольское завоевание застало этот процесс в самом разгаре. Не противоречит логике и вероятность монгольского рейда на берега Светлояра именно после взятия и разорения Городца – известно, что именно после взятия Владимира монгольская армия разделилась на несколько частей и приступила к взятию прочих русских городов. Появление одного из монгольских отрядов в Керженских лесах именно в марте, сразу после взятия Городца, вполне объяснимо – в противном случае ее бы ждала участь отряда Батыева, отказавшегося от похода на Новгород из-за наступления распутицы, а в болотах Нижегородского Заволжья проблема проходимости конницы была куда более остра. Существование в народной памяти легенды о «Батыевой тропе», записанной П. И. Мельниковым-Печерским [Мельников-Печерский], дает основания предполагать существование уже в Средневековье какого-либо пути через заволжские болота от Волги в восточном направлении. Поэтому в предположении о достаточно быстрой переброске войск в Нижегородское Заволжье нет ничего невероятного. Проникновение монголов в глубину этого региона вполне могло иметь место, что и послужило основой для сюжета об уничтожении небольшого славянского поселения. Стоит указать также, что легенда о Китеже на Светлояре не является единственной в своем роде – аналогичная легенда связана и с близлежащим озером Нестиар [Бакка, Киселёва 2009: 158].

Недостаточная археологическая изученность района (например, до сих пор нет данных об исследовании окрестностей оз. Нестиар), а также его сложность для проведения археологических изысканий (предшествующие раскопкам Е. В. Четвертакова экспедиции советского периода не дали на берегах Светлояра никакого средневекового материала) оставляют потенциальную возможность обнаружения в Заволжье новых свидетельств домонгольского освоения этого района.

Рассмотрев эсхатологические представления, содержащиеся в китежской легенде, можно прийти к следующим выводам:

- значительное влияние на эсхатологическую составляющую легенды о граде Китеже оказали древнерусские эсхатологические представления как предмонгольского (XIII в.), так и более ранние (начиная с кон. XI в);
- имеется определенное влияние неславянских (самодийских, финно-угорских) легенд на складывание эсхатологической составляющей китежского цикла.

Таким образом, выявленная связь между эсхатологическими представлениями, содержащимися в китежской легенде и имеющими место в эпоху средневековой Руси, является еще одним аргументом в пользу наличия средневековой исторической основы легенды о граде Китеже – ее старообрядческая эсхатологическая составляющая удачно наложилась на более ранний фундамент.

ЛИТЕРАТУРА

- Археологическая карта России. Нижегородская область. Ч. 4. М.: ИА РАН, 2015.
- Асонов Н. В. Русская культура XIII в. как отражение перестройки ценностно-целевых установок власти // Ключевские чтения – 2022. Россия выбирает путь. М., 2022.
- Бакка С. В., Киселёва Н. Ю. Особо охраняемые природные территории Нижегородской области. Аннотированный перечень. Нижний Новгород, 2009. 560 с.
- Карпов А. Ю. Исследования по истории домонгольской Руси. М.: Квадрига, 2014.
- Китежский летописец. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4960> (дата обращения: 29.05.2023).
- Комарович В. Л. Китежская легенда. Опыт изучения местных легенд. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1936.
- Лихачёв Д. С. Литература трагического века в истории России / Памятники литературы Древней Руси. XIII в. М.: Художественная литература, 1981.
- Меледин С. П. Китеж на Светлоярском озере. Москвитянин на 1843 год. № 12. М., 1843.
- Мельников-Печерский П. И. В лесах. URL: https://librebook.me/v_lesah/vol1/1 (дата обращения: 29.05.2023).
- Повесть временных лет. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/?tabid=4869> (дата обращения: 29.05.2023).
- Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. М.-Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1939.
- Четвертаков Е. В. Археологические работы Ветлужской экспедиции музея Нижегородского университета в районе оз. Светлояр в 2011–2013 гг. Археологические открытия 2010–2013 гг. М.: Институт археологии РАН, 2015.

REFERENCES

- Arkheologicheskaya karta Rossii. Nizhegorodskaya oblast', part. 4. Moscow, IA RAN, 2015.
- Asonov N. V. Russkaya kul'tura XIII v. kak otrazhenie perestroiki tsennostno-tselevykh ustanovok vlasti // Klyuchevskie chteniya – 2022. Rossiya vybiraet put'. Moscow, 2022.

- Bakka S. V., Kiseleva N. YU. Osobo okhranyaemye prirodnye territorii Nizhegorodskoi oblasti. Annotirovannyi perechen'. Nizhnii Novgorod, 2009, 560 p.
- Karpov A. YU. Issledovaniya po istorii domongol'skoi Rusi. Moscow, Kvadriga Publ., 2014.
- Kitezhskii letopisets. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4960> (accessed: 29.05.2023).
- Komarovich V. L. Kitezhskaya legenda. Opyt izucheniya mestnykh legend. Moscow-Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1936.
- Likhachev D. S. Literatura tragicheskogo veka v istorii Rossii / Pamyatniki literatury Drevnei Rusi. XIII v. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1981.
- Meledin S. P. Kitizh na Svetloyarovom ozere. Moskvityanin na 1843 god. № 12. Moscow, 1843.
- Mel'nikov-Pecherskii P. I. V lesakh URL: https://librebook.me/v_lesah/vol1/1 (accessed: 29.05.2023).
- Povest' vremennykh let URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/?tabid=4869> (accessed: 29.05.2023).
- Puteshestvie Ibn-Fadlana na Volgu. Moscow-Leningrad, Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1939.
- Chetvertakov E. V. Arkheologicheskie raboty Vetluzhskoi ehkspeditsii muzeya Nizhegorodskogo universiteta v raione oz. Svetloyar v 2011–2013 gg. Arkheologicheskie otkrytiya 2010–2013 gg. Moscow, Institut arkheologii RAN, 2015.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ТЕОЛОГИЯ

РЕЛИГИОЗНЫЕ АЛЛЮЗИИ В КИНОКАРТИНЕ А. ТАРКОВСКОГО «СТАЛКЕР»

ОКОРОКОВА ЕКАТЕРИНА ИГОРЕВНА

СПЕЦИАЛИСТ ПО УМР, ФГАОУ ВО «МУРМАНСКИЙ АРКТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ», КОЛЛЕДЖ (г. МУРМАНСК, РОССИЯ)
OKOROKOVAKATE@GMAIL.COM

РАХМАНОВА МАРИЯ НИКОЛАЕВНА

ПРЕПОДАВАТЕЛЬ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ, ГАПОУ МО «МУРМАНСКИЙ МЕДИЦИНСКИЙ КОЛЛЕДЖ» (г. МУРМАНСК, РОССИЯ)
RAKHMANOVAMN@GMAIL.COM

АННОТАЦИЯ: в статье определяются и анализируются визуальные, звуковые и словесные системы, которые использует А. Тарковский в кинокартине «Сталкер». С точки зрения семиотики авторы рассматривают все художественные средства выразительности, являющиеся частью религиозного дискурса, которые использует режиссер: аллюзии, метафоры, аллегории, образы. Исследуется влияние текста Нового Завета, воплощенного на экране, на восприятие кинокартины зрителем. В рамках режиссерской и зрительской рефлексии анализируются аллюзии на такие библейские понятия как наказание, грех, раскаяние, истина, Спасение, Бог. Религиозные отсылки, выявленные авторами статьи, конструируют формальную и содержательную архитектуру кинокартины.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: кинокод, знак, символ, Тарковский, Сталкер, Библия, Иисус Христос.

PRACTICAL THEOLOGY

THE RELIGIOUS ALLUSIONS IN A. TARKOVSKY'S FILM "STALKER"

OKOROKOVA EKATERINA IGOREVNA

SPECIALIST FOR TEACHING AND STUDIES FSAEI HE MURMANSK ARCTIC UNIVERSITY, COLLEGE
(MURMANSK, RUSSIA)

OKOROKOVAKATE@GMAIL.COM

RAKHMANOVA MARIYA NIKOLAEVNA

TEACHER OF RUSSIAN LANGUAGE AND LITERATURE SAPEI MR "MURMANSK MEDICAL COLLEGE"
(MURMANSK, RUSSIA)

RAKHMANOVAMN@GMAIL.COM

ABSTRACT: the article considers and analyses visual, sound and verbal systems that A. Tarkovsky uses in the film "Stalker". In the field of semiotics, the authors consider all the poetic figures that are part of religious discourse used by the director: allusions, metaphors, allegories, images. The influence of New Testament's text embodied on the screen is researched through the perception of the movie. As part of the director's and audience reflection, allusions to such biblical concepts as punishment, sin, repentance, truth, Salvation and God are analyzed. Religious references identified by the authors of the article construct the formal and meaningful architectonics of the film.

KEYWORDS: film code, sign, symbol, Tarkovsky, Stalker, Bible, Jesus Christ.

*Невозможно начинать разговор о кино,
не ориентируясь на семиотическую терминологию.
П. Пазолини. Поэтическое кино*

Кристиан Мец утверждает, что кино – это не язык, а код; и специфика кинематографического кода состоит в отсутствии четкого словаря. Другими словами, кинокод является принципиально открытой системой. Значение кинокода всегда мотивировано. Это обусловлено сходством в восприятии означающего и означаемого (изображение крота похоже на крота, звук взрыва похож на взрыв в реальности) [Мец 2010].

Каждый режиссер привносит свое в кинокод: использует такие семиотические системы, как планы, монтаж, звук, цветокоррекция, текст, актерская игра – они не ограничены. Кино поэтому и есть особая форма повествования, потому как вмещает в себе все черты других видов искусства.

Одним из главных умений зрителя является интерпретация фильма. Понимание смысла того или иного произведения культуры происходит посредством трактовки языка кинокартины, частей композиции, художественных деталей и пр. Эта информация шифруется режиссером с помощью знаков, символов, эмблем.

В данной статье мы постараемся рассмотреть визуальные, звуковые и словесные системы, которые использует А. Тарковский в кинокартине «Сталкер». На протяжении всего фильма мы сталкиваемся с огромным количеством знаков, отсылающих нас к Новому Завету, их мы и проанализируем.

Красной линией сквозь все повествование проходит поезд: в основном мы его слышим, а видим только два раза в самом начале пути героев. Звук поезда символизирует пограничность, переход из одного состояния в другое, границу между обычной жизнью и Зоной, земным и божественным. В начале кинокартины мы слышим «Марсельезу», затем «Болеро» М. Равеля и «Оду к радости» Л. Бетховена. А. Тарковский берет эти композиции неслучайно, они являются одними из самых известных музыкальных произведений. Существует традиция, когда проводы на вокзале сопровождаются музыкой, доступной для узнавания. Таким образом режиссер дает понять, что герои специфическим образом «проводжают» определенный этап жизненного пути, поэтому, когда музыка замолкает, наступает напряженное молчание, молчание

потери. Как пишет Ю. Н. Тынянов в работе «Кино – слово – музыка»: «Музыка дает Богатство и тонкость звука, неслышанные в человеческой речи. Она дает возможность довести речь героев до хлесткого, напряженного минимума. Она позволяет устранить из кинодрамы весь смазочный материал, всю “тару” вещей. Как только музыка в кино умолкает – наступает напряженная тишина» [Тынянов 1977].

Наше первое знакомство с семьей Сталкера начинается с откусанного яблока, лежащего на прикроватном столике. В последствии мы узнаем, что сталкер – проклятый «юродивый» «блаженный» человек, потому что он ходит в Зону – туда, куда остальным путь заказан. Из-за этого он постоянно пропадает в тюрьмах, его дочь рождена калеккой, жена, на первый взгляд, несчастна. Встает вопрос: наказан ли он, потому что прикоснулся к запретному плоду? Тема наказания и далее появляется в повествовании: Сталкер рассказывает историю своего Учителя, другого сталкера по кличке Дикобраз. Образ Дикобраза напоминает нам образ Иуды. Он шел в Зону вместе с родным братом и, чтобы добраться до комнаты, до Богатства, загубил брата в «мясорубке». В Комнате просил о возвращении брата, но получил Богатство и в конце концов «вытоптал цветник и повесился». Возможным кажется предположить, что Дикобраз сводит счеты с жизнью не потому, что не исполнилось его желание, а от того, что он надеялся, что его истинное, искреннее, выстраданное желание другое. Дикобраз ждал, что вернет брата, но его душа на самом деле алкала денег. Он не справляется с тяжестью своего греха.

Писатель: Вот почему, по-твоему, повесился Дикобраз?

Сталкер: Он в зону пришел с корыстной целью и брата своего загубил в «мясорубке», поэтому и повесился.

Писатель: Это я понимаю, а почему он все-таки повесился? Почему еще раз в Зону не пошел, на это раз не за деньгами, а за братом? Как раскаялся?

Сталкер: Он хотел, он... Я не знаю, через несколько дней он повесился.

Писатель: Ведь здесь он понял, что не просто желания, а сокровенные желания исполняются... Да здесь сбудется то, что натуре твоей соответствует, сути! О которой ты понятия не имеешь, а она возьмет и проявится... Дикобраза не алчность одолела. Да он у этой лужи на коленях ползал, брата вымаливал. А получил кучу денег. И ничего иного получить не мог. Потому что Дикобразу – Дикобразово и только Дикобразово. А ссоры, душевные муки – это все придумано, от головы.

Данная цитата отсылает нас к эпизоду с «динарием кесаря», который был описан в трех книгах Евангелия и относится к периоду проповеди Иисуса Христа в Иерусалиме: «кесарю – кесарево, а Богу – божие». Писатель подразумевает, что Дикобраз получил по своим заслугам.

Большую часть времени на экране нас сопровождают три персонажа. В отличие от всех остальных героев фильма, у них имен нет (четвертый – Дикобраз: по словам Сталкера, у всех сталкеров нет имен, только псевдонимы). Это Сталкер, Писатель и Профессор. Профессор, несмотря на то что является ученым, представляется нам достаточно суеверным язычником: «не сглазьте», «нельзя возвращаться», он верит в Зону, в Комнату и в Сталкера. Тем не менее ему тяжело расстаться с «материальным», свой рюкзак он оставляет только в конце, когда нужда в уничтожении отпадает. Писатель, наоборот, повторяет, что все на свете – это математика да физика, и «бытие скучно», и нет никакого в нем чуда. И даже отсылки к Библии, которыми пользуется Писатель («Мене, мене, текел, упарсин» Даниила 5:25), про то, что Бог исчисляет царство, взвешивает на весах ценность человека, разделяет царство.

В повествовании герои дважды проходят по «тоннелям». В первый раз это так называемый сухой «тоннель» и между героями происходит такой диалог:

Писатель: Да плюньте вы на этот рюкзак. Что у вас там – бриллианты?

Сталкер: Вы забыли, куда идете. Комната даст вам все, что захотите.

Писатель: Действительно. Сверх головы закидает рюкзаками.

Профессор: А далеко до этой Комнаты?

Сталкер: По прямой – метров двести, да только здесь не бывает прямых, вот в чем беда... Идемте.

Писатель: Оставьте свой ползучий эмпиризм, Профессор. Чудо вне эмпирики. Вспомните, как чуть не утонул святой Петр.

Писатель припоминает Профессору истории об Апостоле Петре, который, усомнившись в своей вере, чуть не утонул, но вовремя был спасен Иисусом. После прохождения первого тоннеля персонажи устраивают привал, во время которого зритель видит дно водоема в сепии и слышит конец Шестой главы Откровения Иоанна Богослова, произнесенного Гутой. На островке земли, посреди водоема мы видим улитку, под водой – шприц, поднос, железные, проржавевшие прутья, рыбок в стеклянной таре и прочее, символизирующее жизнь вне Зоны, цивилизованный мир, которому недоступно счастье познания: «и цари земные, и вельможи, и Богатые... скрылись в пещеры и ущелья гор...

скройте нас... и от гнева агонца...». Герои в этот момент отдыхают, они как будто «скрыты» от Зоны и ее влияния.

Второй тоннель, «Мясорубку», первым проходит Писатель, и у самого выхода ему приходится расстаться с оружием, тайно пронесенным в Зону. К Комнате он выходит безоружным. После прохождения этого тоннеля происходит такой диалог:

Сталкер: Ну и везет же вам! Боже мой... да теперь... Теперь вы сто лет жить будете!

Писатель: Да, а почему не вечно? Как Вечный Жид?

Вечный Жид оттолкнул Иисуса, когда того вели на распятие. При этом Писатель изготавливает терновый венец и надевает себе на голову, явно ассоциируя себя с Иисусом, а перед входом в Комнату произносит: «Я вас никогда не прощу». Он также роняет фразу «Ведь я думал переделать их, а переделали-то меня! По своему образу и подобию».

Но несмотря на это Писатель крутит в руках терновый венец, поэтому можно сделать предположение, что Тарковский ассоциирует его с Христом, страдальцем, он идет первым во время всех испытаний Зоны, но Писатель, в отличие от Спасителя, не прощает.

Также стоит отметить и своеобразную языковую игру, которой пользуются сталкеры – например, противопоставление наименований. «Сухая труба» – мокрое место, там, где водопад. Значит, по логике место, которое называется «Мясорубка», должно быть «мягче», чем кажется.

Зона и Комната

Зона: «Зона требует уважения и карает», «прямой путь – не самый короткий», можем ли мы говорить, что в данном контексте Зона воспринимается как истина? Как Бог? «Они ее боятся, как огня». Мы помним, что Бог являлся в виде огня. «В Зоне никого нет и быть не может», – говорит нам Сталкер, тем не менее мы постоянно встречаем живность – собака даже уходит за героями из Зоны.

В момент, когда герои подходят к Комнате, мы видим визуальную отсылку к образам Тристана и Изольды. Может быть, Тарковский говорит о том, что влюбленные все-таки достигли своего счастья. Но противоречивым кажется тот факт, что появляются именно образы рыцарского романа. Такое множество символов (религиозных, литературных, музыкальных), например, две сосуществующие и функционирующие одновременно знаковые системы, могут создавать своего рода коммуникативную неопределенность (в процессе

коммуникации «фильм – зритель»). Но именно благодаря этому произведение обнаруживает некую незамкнутость, открытость, вариативность интерпретаций.

Также символы в любом произведении задают некоторый горизонт ожиданий – «совокупность социальных, культурно-исторических, психологических и других представлений, обуславливающих, с одной стороны, отношение автора и, соответственно, произведения к читательской аудитории, к реципиенту, и с другой стороны, отношение читателя к произведению» [Ляпушкина 2019: 93], таким образом, благодаря символам зритель выстраивает определенную систему собственного взаимодействия с кинокартиной Тарковского.

Попасть в комнату, исполняющую желания, можно только став, как дети – это является прямой цитатой из Библии: будьте «как дети» (Мф. 18: 3), «ибо таковых есть Царствие Божие» (Мк. 10: 14). Об этом и говорит Сталкер: «Когда человек рождается, он слаб и гибок, когда умирает, он крепок и черств. Когда дерево растет, оно нежно и гибко, а когда оно сухо и жестко, оно умирает. Черствость и сила – спутники смерти, гибкость и слабость выражают свежесть бытия».

Писатель дважды называет Сталкера «Большим Змеем»: «Как-то тускло, а, Профессор? Тут мне как-то идти первым нежелательно, Большой Змей добровольцем не бывает...» и «Нет, Большой Змей, паршиво ты в людях разбираешься, если таких, как я, в Зону водишь». На первый взгляд, это может быть сделано с комической целью, но, исходя из обилия религиозных аллюзий, мы можем предположить, что это отсылка к змею, принуждающему Еву совершить первородный грех. Сталкер предстает своеобразным змеем-искусителем, заставляющим людей идти в Зону для того, чтобы познать обещанное счастье. Но вместо счастья Писатель и Профессор обретают лишь страх от осознания и познания собственного Я.

В конце, перед тем, как герои покидают Зону, мы видим, как рыбка плавает вокруг бомбы, выброшенной в пылу драки. Таким образом, последний образ, который видит зритель в Зоне, – это образ Христа-Спасителя. Можем ли мы говорить, что герои спасаются, так и не войдя в Комнату, не познав свое истинное и сокровенное?

Таким образом, религиозные отсылки выстраивают соответствие между рефлексией режиссера и сознанием зрителя, конструируют формальную и содержательную архитектуру кинокартины.

ЛИТЕРАТУРА

- Библия: книги Священного писания и Ветхого и Нового завета. М.: Издание Московской Патриархии, 1983. 1372 с.
- Ляпушкина Е. И. Введение в литературную герменевтику: Теория и практика. М.: Группа Компаний «РИПОЛ классик», «Панглосс», 2019. 255 с.
- Лотман Ю. М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллин: Ээсти Раамат, 1973. 357 с.
- Мец К. Воображаемое означающее. Психоанализ и кино. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2010. 336 с.
- Пазолини П. П. Поэтическое кино / Строение фильма. М., 1984. С. 45–67.
- Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. 787 с.
URL: <http://philologos.narod.ru/tynyanov/pilk/kino1.htm>, свободный (дата обращения: 10.04.2023).
-

REFERENCES

- Bibliya: knigi Svyashchennogo pisaniya i Vetkhogo i Novogo zaveta. Moscow, Izdanie Moskovskoi Patriarkhii, 1983, 1372 p.
- Lyapushkina E. I. Vvedenie v literaturnuyu germenevtiku: Teoriya i praktika. Moscow, Gruppya Kompanii "RIPOL klassik", "Pangloss", 2019, 255 p.
- Lotman YU. M. Semiotika kino i problemy kinoehstetiki. Tallin, Eehesti Raamat, 1973, 357 p.
- Mets K. Voobrazhaemoe oznachayushchee. Psikhoanaliz i kino. Saint Petersburg, Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2010, 336 p.
- Pazolini P. P. Poeticheskoe kino / Stroenie fil'ma, Moscow, 1984, pp. 45–67.
- Tynyanov YU. N. Poehtika. Istoriya literatury. Kino. Moscow, Nauka Publ., 1977, 787 p. URL: <http://philologos.narod.ru/tynyanov/pilk/kino1.htm>, svobodnyi (accessed: 10.04.2023).

ПРАКТИЧЕСКАЯ ТЕОЛОГИЯ

ОТРАЖЕНИЕ ПОНЯТИЯ «ЛЮБОВЬ» В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»

СЫЧЕВ АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

СТУДЕНТ 2 КУРСА МАГИСТРАТУРЫ СРЕТЕНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ (МОСКВА, РОССИЯ)
ALEX2000XPERIAZR@GMAIL.COM

АННОТАЦИЯ: в данной статье рассматривается тема любви в романе «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского. Эта тема является ключевой в произведении и раскрывает внутренний мир героев через призму их проявления любви к другим персонажам. Добродетель любви является одной из важнейших добродетелей, которую человек должен проявлять в своей жизни. Святые отцы и Священное Писание учат нас, что любовь к ближнему является основой нашей веры и духовной жизни, которая поддерживает и развивает нашу любовь к Богу. Ф. М. Достоевский раскрывает двойственность человеческой природы в произведении, которая проявляется в том, что имея дар любви, одни герои преобразуются, а другие пренебрегают этим даром и погружаются в духовную деградацию. Тема любви в романе «Преступление и наказание» является важной и актуальной и поднимает многие вопросы о человеческой природе и ее преобразовании через дар любви.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: любовь, роман «Преступление и наказание», Ф. М. Достоевский, положительные герои, отрицательные герои, святые отцы, Священное Писание.

PRACTICAL THEOLOGY

REFLECTION OF THE CONCEPT OF LOVE IN F.M. DOSTOEVSKY'S NOVEL "CRIME AND PUNISHMENT"

SYCHEV ALEXEY ALEXANDROVICH

2ST YEAR MASTER'S STUDENT, SRETENSKY THEOLOGICAL ACADEMY (MOSCOW, RUSSIA)
ALEX2000XPERIAZR@GMAIL.COM

ABSTRACT: this article explores the theme of love in Fyodor Dostoevsky's novel "Crime and Punishment". This theme is central to the work and reveals the inner world of the characters through their expressions of love towards other characters. The virtue of love is one of the most important virtues that a person should exhibit in their life. The Holy Fathers and the Holy Scriptures teach us that love for our neighbor is the foundation of our faith and spiritual life, which sustains and nurtures our love for God. The author of the novel, Fyodor Dostoevsky, reveals the duality of human nature in the work, manifested in the fact that while some characters transform themselves through the gift of love, others neglect this gift and descend into spiritual degradation. The theme of love in "Crime and Punishment" is important and relevant, raising many questions about human nature and its transformation through the gift of love.

KEYWORDS: love, the novel "Crime and Punishment", F. M. Dostoevsky, positive heroes, negative heroes, holy fathers, Holy Scripture.

С тоит отметить, что сам термин *любовь* в греческом языке имеет несколько значений и обозначается следующими словами: ἀγάπη – особенно братская любовь, милосердие; любовь Бога к человеку и человека к Богу [Дворецкий т. 1: 17], φιλέω – нежное отношение, дружба, обычно «между равными» [Дворецкий т. 2: 1726–1727], στοργή – любовь,

привязанность, «особенно родителей и детей» [Дворецкий т. 2: 1509], ἔρωξ – страстно любить, быть влюбленным, вожделеть, стремиться [Дворецкий т. 1: 670], φιλαυτία – самолюбие. Любить себя или «уважать собственное счастье или выгоду» [Дворецкий т. 1: 1726], ξενία – гостевая дружба [Дворецкий т. 1: 1145].

Каждому человеку в современном мире известно понятие любви, так как это качество является неотъемлемой частью природы людей. Однако зачастую представление о любви и смысле ее истолкования у каждого бывает разным. Основопологающей причиной подобного восприятия является следствие грехопадения первых людей, в результате которого и произошло в том числе искажение смысла понятия «любовь».

Именно поэтому в Евангельском повествовании Господь наш Иисус Христос неоднократно говорит об истинном смысле любви: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин 15:13). Святитель Лука Крымский, комментируя эти слова, замечает, что «всякий, кто последует за Христом и отдаст добровольно жизнь свою, будет возлюблен Отцом Небесным. Всякому, отдавшему жизнь свою за други своя, воздаст Он вечной радостью, радостью несказанной вовеки в Царствии Своем» [Лука (Войно-Ясенецкий) 2000: 178]. Тем самым очевидным становится понимание, что в основе любви лежит готовность пожертвования собой ради другого человека.

Святой апостол Павел пишет: «Любовь все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит» (1 Кор. 13:7). Эти слова отражают важность любви как добродетели в жизни человека. Основываясь на этих словах, Федор Михайлович Достоевский отмечает в Дневнике писателя: «Тот, кто желает увидеть живого Бога, пусть ищет его не на пустом небосводе собственного разума, но в человеческой любви». И эти слова нам говорят о том, что настоящая любовь приводит человека к истинному познанию Бога, ведь Бог есть Любовь (1 Ин. 4:8). Даже если посмотреть с сугубо светской точки зрения, то исследования Гарвардской медицинской школы показало, что люди, которые проявляют бескорыстную доброту и заботу о других, живут дольше и счастливее [Габрилович 2018: 120].

Важно и замечание святителя Феофана Затворника, который в своих трудах отмечал, что «Любовь – это крепость, которая не разрушается» [Феофан Затворник 2019: 50]. Она дает силы для преодоления трудностей и поддержки других людей. Любовь должна проявляться не только в словах, но и в поступках. Святитель Игнатий Брянчанинов писал: «Все, что живет, движимо любовью» [Игнатий (Брянчанинов) т. 1: 123]. А святитель Макарий Египетский говорил: «Любовь есть нечто, что не знает меры» [Макарий Египетский 2004: 350].

Исходя из этого становится ясным, что в тексте Священного Писания, в святоотеческом наследии о любви в основном говорится, как о готовности пожертвовать собой ради других людей, а также как о дружественных отношениях.

В свою очередь, если говорить непосредственно о теме настоящего исследования, то необходимо заметить, что, по замечанию Н. О. Лосского, «в записных тетрадках к “Идиоту” Достоевский различает три вида любви: 1. страстно-непосредственную любовь, Рогожина; 2. любовь из тщеславия – Ганя; 3. любовь христианскую – князя» [Лосский 1953: 210–211]. Весьма смело можно предположить, что в некотором виде схожая градация может быть обнаружена в том числе и при анализе понятия любви в романе «Преступление и наказание». Относительно же данного романа очень точно выразился Д. С. Мережковский, заметив, что «Достоевский – это величайший реалист, измеривший бездны человеческого страдания, безумия и порока, вместе с тем величайший поэт евангельской любви. Любовью дышит вся его книга, любовь – ее огонь, ее душа и поэзия» [Мережковский 1991: 125].

С большой долей уверенности можно говорить о том, что в романе «Преступление и наказание» любовь является одной из ключевых тем, которая проявляется в жизни героев. При этом характерной чертой повествования является то обстоятельство, когда «любовь сочетается с ненавистью, стяжательство с бескорыстием, властолюбие с самоунижением и т. п.» [Бахтин 1963: 208]. Исходя из этого, представляется необходимым выявить, в каких значениях Ф. М. Достоевский использует понятие «любовь» в своем романе, сопоставляя при этом значения с ранее обозначенными терминами.

Итак, в первую очередь представляется необходимым обратить внимание на фрагменты, в которых выражается любовь в смысле жертвенности. Ярким примером такой любви являются чувства Сони Мармеладовой к своей семье. Она искренне любит своих сводных сестер и братьев и старается помочь им несмотря на то, что они не являются ей кровными родственниками. Именно для того, чтобы их мать Катерина Ивановна могла накормить детей, Соня жертвует собой. Примечательно, что Ф. М. Достоевский не осуждает девушку и через диалоги с ее близкими показывает, почему она была вынуждена так поступить.

Особо яркое место здесь принадлежит словам отца Сони Семена Захаровича Мармеладова, который описывает, как Соня помогла ему, когда он был пьян: «Сегодня у Сони был, на похмелье ходил просить! Тридцать копеек вынесла, своими руками, последние, всё что было, сам видел... Ничего не сказала, только молча на меня посмотрела... Так не на земле, а там... о людях тоскуют, плачут, а не укоряют, не

укоряют! А это больней-с, больней-с, когда не укоряют!..» [Достоевский т. 6: 21]. Безусловно, что он искренне надеется, что Господь помилует его и Соню на Страшном Суде: «А пожалеет нас Тот, кто всех пожалел и кто всех и вся понимал, Он единый, Он и судия» [Достоевский т. 6: 22]. Мармеладов также говорит, что Бог простит Соню за ее грехи: «И скажет: “Прииди! Я уже простил тебя раз... Простил тебя раз... Прощаются же и теперь грехи твои мнози, за то, что возлюбила много...” И простит мою Соню, простит, я уж знаю, что простит...» [Достоевский т. 6: 22].

Здесь же уместно сказать о чувствах Родиона Раскольникова и Сони Мармеладовой. Стоит заметить, что взаимные чувства у молодых людей зарождаются в период после того, как Раскольников совершает преступление. Соня становится его лучшим другом и первым человеком, которому тот признается в убийстве. Примечательно, что Ф. М. Достоевский сводит их потому, что Раскольников видит в ней грешницу, осознавая при этом и собственное преступление. Однако в контексте знакомства с Соней, ее семьей Раскольников понимает, что именно жертвенная любовь не дала проникнуть разврату в ее сердце: «Что же поддерживало ее? Не разврат же? Ведь этот позор, очевидно, коснулся ее только механически; настоящий разврат еще не проник ни одною каплей в ее сердце» [Достоевский т. 6: 22].

Важно отметить, что жертвенная любовь Сони Мармеладовой проявляется и в отношении к Родиону Раскольникову. Именно она возрождает в нем желание начать новую жизнь. И весьма примечательно, что духовной основой любви для Сони является Бог: «Что ж бы я без Бога-то была?» По ее словам, Бог для нее «всё делает» [Достоевский т. 6: 22]. К тому же она даже была готова пойти вместе с ним на каторгу: «Вместе, вместе!... В каторгу с тобой вместе пойду!» [Достоевский т. 6: 25].

Исходя из этого, можно констатировать, что весьма важно, чтобы в жизни человека был тот, кто по-настоящему любит, не требует принять его убеждения, но так выходит, что эта любовь и жертвенность заставляют человека уподобиться своему любящему.

Следующий ряд фрагментов связан с понятием любви в смысле отношения детей и родителей, братьев и сестер. И в первую очередь здесь необходимо сказать несколько слов о материнской любви Пульхерии Александровны Раскольниковой к своим детям Родиону и Дуне. Ф. М. Достоевский акцентирует пристальное внимание на особом отношении матери к сыну. Центральной идеей этих отношений является осознание Пульхерией Александровной, что с ее сыном происходит что-то неладное. Однако она проявляет излишнюю деликатность

и не задает лишних вопросов. Видя внезапное и холодное отношение к ней сына, она принимает все его несчастье, проявляя при этом свою любовь.

Вторым ярким примером являются отношения между братом и сестрой – Родионом и Дуней. Достоевский отмечает, что у Родиона Раскольникова и его сестры Дуни были очень теплые и доверительные отношения. Поэтому в контексте романа проскальзывает мысль, что они были хорошими друзьями. Однако автор делает акцент на том, что сестра готова на все ради своего брата.

Так, например, Дуня поступает работать гувернанткой в богатую семью Свидригайловых. Берет займы крупную сумму в счет будущей зарплаты и посылает ее брату. При этом она с терпением принимает большое количество унижений. То есть здесь помимо прочего можно говорить и о жертвенной любви сестры по отношению к брату. Жертвенность Дуни проявляется и в желании помочь устроить карьеру брату, но при этом пожертвовать личным счастьем, выйдя замуж за господина Лужина, к которому она не испытывала никакой симпатии. Однако именно в этом примере проявляется любовь брата к сестре. Достоевский не позволяет своему герою принять такую жертву, и в конечном итоге Дуня разрывает помолвку. Не оставляет сестра брата и после обнаружения преступления. Автор замечает, что, когда Раскольников попадает на каторгу в Сибирь, Дуня поддерживает с ним связь и собирается со временем перебраться поближе к брату.

С большой долей вероятности можно сказать о том, что особенностью творчества Федора Михайловича Достоевского является соседство противоположных сюжетов. Так, наряду с проявлением должных отношений между родителями к детьми, братьями и сестрами в романе «Преступление и наказание» встречаются и отрицательные примеры.

Так, в отношении Катерины Ивановны Мармеладовой к своим детям, безусловно, нельзя отметить любви в полной мере этого слова. Однако причина того заключается как в физическом состоянии женщины, которая, страдая чахоткой, в то же самое время должна была трудиться по хозяйству, так и в духовном. Ф. М. Достоевский констатирует нарушение психического здоровья женщины, которая в каком-то смысле постепенно сходит с ума. По словам Мармеладова, Катерина Ивановна бьет своих детей, когда те плачут от голода.

Нельзя назвать истинной любовью и отношения старухи-процентщицы и ее сестры Лизаветы. По сути последняя была использована в качестве прислуги. Их отношения ярко подчеркивает эпизод,

повествующий о завещании, в котором старуха-процентщица завещает все свои деньги совсем не Лизавете, а монастырю. В свою очередь, бедной Лизавете полагается лишь мебель и другое имущество.

Также стоит отметить, что Ф. М. Достоевский уделяет внимание и страстной любви. Однако ключевой идеей является обличение такого чувства и демонстрация причин, по которым оно возникает. Так, обращает на себя внимание Свидригайлов, который влюбляется в Дуню, работавшую гувернанткой в его доме. Автор замечает, что тот был страстно влюблен в нее. Об этом можно узнать благодаря письму Пульхерии Александровны Родиону Раскольникову: «не удержался и осмелился сделать Дуне явное и гнусное предложение, обещая ей разные награды и сверх того бросить все и уехать с нею в другую деревню» [Достоевский т. 6: 30]. Не оставляет Свидригайлов девушку и Петербурге, куда приезжает после смерти жены, чтобы отговорить девушку от брака с Лужиным.

Следующий эпизод, в котором говорится о страстной любви, все так же связан со Свидригайловым. Однако в данном случае тот, будучи отвергнут Дуней, стал свататься к 16-летней бедной девушке. Автор констатирует внимание на том, что он не любил свою невесту, так как у него были лишь низменные интересы. Девочка соглашается выйти за него из-за своей бедности, по расчету. При этом она все же с теплотой и нежностью относится к будущему мужу и готова быть ему хорошей женой. Эта свадьба отменяется, так как Свидригайлов покончил с собой.

В итоге можно констатировать, что практически все примеры, отражающие любовь в контексте страсти, связаны с одним человеком. Безусловно, печален итог его жизни. Вместо раскаяния и внутреннего изменения тот заканчивает жизнь самоубийством.

В целом можно говорить о том, что любовь является важной темой в романе «Преступление и наказание». Важно заметить, что Федору Михайловичу Достоевскому удалось в полной мере раскрыть смысл данного понятия. Очевидно, что любовь является неотъемлемой частью внутреннего мира героев романа. Она проявляется в жизни всех героев без исключения, но при этом имеет разное значение и влияние на их жизнь.

ЛИТЕРАТУРА

- Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: РБО, 2003.
Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Эксмо, 1963. 308 с.

- Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь. В 2 т. Т. 1. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958. 1043 с.
- Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь. В 2 т. Т. 2. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958. 1905 с.
- Достоевский Ф. М. Преступление и наказание / Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. В 30 т. Т. 6. Л., 1973.
- Габрилович. Л. Два письма С. Франку и два «Резюме» // Философский полилог: Журнал Международного центра изучения русской философии. 2018. С. 119–142.
- Игнатий (Брянчанинов), свт. Полное собрание творений и писем: в 8 т. Т. 1. 2014. 656 с.
- Лосский Н. О. Достоевский и его христианское миропонимание. США, 1953. 411 с.
- Лука (Войно-Ясенецкий), свт. Спешите идти за Христом! Проповеди в Симферополе (1946–1948 гг.). М.: Храм св. Космы и Дамиана на Маросейке, 2000. 240 с.
- Макарий Египетский, преп. Духовные беседы, послания и слова. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2004. 400 с.
- Мережковский Д. С. Достоевский / Мережковский Д. С. Акрополь: избр. лит.-крит. ст. М.: Книжная палата, 1991. С. 108–126.
- Феофан Затворник, свт. «Путь к спасению». 2-е изд. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2019. 464 с.

REFERENCES

- Bibliya. Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta. Moscow, RBO, 2003.
- Bakhtin M. M. Problemy poetiki Dostoevskogo. Moscow, Ehksmo Publ., 1963, 308 p.
- Dvoretiskii I. KH. Drevnegrechesko-russkii slovar', vol. 1. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarei, 1958, 1043 p.
- Dvoretiskii I. KH. Drevnegrechesko-russkii slovar'. vol. 2. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarei, 1958, 1905 p.
- Dostoevskii F. M. Prestuplenie i nakazanie / Dostoevskii F. M. Poln. sobr. Soch., vol. 6. Leningrad, 1973.
- Gabrilovich. L. Dva pis'ma S. Franku i dva "Rezyumeh" // Filosofskii polilog: Zhurnal Mezhdunarodnogo tsentra izucheniya russkoi filosofii, 2018, pp. 119 –142.
- Ignatii (Bryanchaninov), svt. Polnoe sobranie tvorennii i pisem, vol. 1, 2014, 656 p.
- Losskii N. O. Dostoevskii i ego khristianskoe miroponimanie. SSHA, 1953, 411 p.
- Luka (Voino-Yasenetskii), svt. Speshite idti za Khristom! Propovedi v Simferopole (1946–1948 gg.). Moscow, Khram sv. Kos'my i Damiana na Maroseike, 2000, 240 p.

Makarii Egipetskii, prep. Dukhovnye besedy, poslaniya i slova. Moscow, Izd-vo Sretenskogo monastyrya, 2004, 400 p.
Merezhkovskii D. S. Dostoevskii. Moscow, Knizhnaya palata, 1991, pp. 108–126.
Feofan Zatvornik, svt. “Put' k spaseniyu”. ed. 2. Moscow, Izd-vo Sretenskogo monastyrya, 2019. 464 s.

РУССКИЙ ЯЗЫК

КАК ОБРЕСТИ «КЛЮЧИ ОТ СМЫСЛОВ», ИЛИ КАК НАУЧИТЬ ШКОЛЬНИКОВ ПОНИМАТЬ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ?

ЛЕВУШКИНА ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА

ДОКТОР ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР КАФЕДРЫ МЕТОДИКИ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ
ЯЗЫКУ Института филологии, Московский педагогический государственный
университет (Москва, Россия)
LEVUSHKINAON@MAIL.RU

АННОТАЦИЯ: данная статья посвящена проблеме обучения школьников пониманию произведений русской классики, художественных текстов. Опираясь на исследования особенностей понимания художественного текста современными школьниками, на типы понимания текста, автор демонстрирует пример лингвокультурологического анализа классического произведения русской литературы – стихотворения А. С. Пушкина «Анчар». Продемонстрированы возможности лингвокультурологического анализа конкретной особенности данного произведения – его интертекстуальности. Автор делает вывод о том, что при анализе классических произведений русской литературы необходимо учитывать картину мира человека того времени, религиозный, культурный контекст его создания. Это фоновые культурные смыслы, которые являются основой понимания классических произведений русской литературы. Именно их выявление, осмысление позволяет говорить о глубинном, полном понимании художественного произведения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: понимание художественного произведения, типы понимания, смысл, лингвокультурологический анализ художественного текста, лингвокультурологический анализ стихотворения А. С. Пушкина «Анчар».

RUSSIAN LANGUAGE

HOW TO FIND THE “KEYS TO MEANINGS”, OR HOW TO TEACH STUDENTS TO UNDERSTAND A LITERARY TEXT?

LEVUSHKINA OLGA NIKOLAEVNA

D.SC. IN PEDAGOGY, PROFESSOR AT THE DEPARTMENT OF METHODS OF TEACHING THE
RUSSIAN LANGUAGE AT THE INSTITUTE OF PHILOLOGY, PEDAGOGICAL STATE UNIVERSITY
(MOSCOW, RUSSIA)
LEVUSHKINAON@MAIL.RU

ABSTRACT: this article is devoted to the problem of teaching schoolchildren to understand the works of Russian classics, literary texts. Based on the research of the peculiarities of the understanding of the literary text by modern schoolchildren, on the types of understanding of the text, the author demonstrates an example of a linguoculturological analysis of a classic work of Russian literature – A.S. Pushkin's poem “Anchar”. The possibilities of linguistic and cultural analysis of a specific feature of this work – its intertextuality – are demonstrated. The author concludes that when analyzing classical works of Russian literature, it is necessary to take into account the picture of the world of a person of his time, the religious, cultural context of his creation. These are background cultural meanings that are the basis for understanding classical works of Russian literature. It is their identification and comprehension that allows us to speak about a deep, complete understanding of a work of art.

KEYWORDS: understanding of a work of art, types of understanding, meaning, linguoculturological analysis of a literary text, linguoculturological analysis of A. S. Pushkin's poem “Anchar”.

*О, кто ключи понять сумеет <...> ?
Написаны те темные слова на азбуке каких рассветов?
Что говорят они далеким звездам?
Федерико Гарсиа Лорка. Ключ*

Большой проблемой современного российского образования является отторжение российских школьников от классической русской литературы. Как отмечают исследователи, «школьники не осваивают язык классического наследия, но хорошо осваивают разнообразные клише и формальный подход к классической литературе. Утрачивается не только культура чтения, но и культура речи, поскольку не осваивается значительная часть репертуара любимой ранее литературной классики, которая составляла значительную часть репертуара чтения детей и подростков» [Чудинова 2004]. Это тем более трагично, что художественные произведения, созданные в классических русских традициях и называемые сегодня классикой, заключают в себе глубинные культурные национальные и общечеловеческие смыслы: «Исходя из греко-византийского источника, русское слово сохраняет вневременную память о своих корнях, на протяжении семнадцати веков создавая и сохраняя свое родство с первоисточником» [Теория традиции 2009].

Ученые, исследующие художественный стиль речи (или художественно-изобразительный, художественно-беллетристический?) определяют его как «один из функциональных стилей, характеризующих тип речи в эстетической сфере общения: словесных произведений искусства. Конструктивный принцип художественного стиля речи – контекстуальный “перевод” слова-понятия в слово-образ», и его специфической стилевой чертой называют художественно-образную речевую конкретизацию – «специфическое свойство именно художественной речи, отличающее ее от всех других разновидностей языкового общения. Проявляется оно в такой намеренно созданной по законам искусства организации языковых средств в речевой ткани худож. произведения, благодаря которой слово-понятие “переводится” в слово-образ (художественный), становится выражением индивидуально-неповторимых, как бы видимых внутренним зрением, целостных худож. образов (и их элементов – “микрообразов”), пропущенных через эстетическую оценку писателя. Это такая речевая организация, составляющая целостную систему и реализующая эстетическую функцию произведения искусства, которая специально направлена на то, чтобы ее восприятие вызывало работу фантазии читателя» [Стилистический словарь 2003].

Следовательно, при обучении школьников пониманию художественных произведений, текстов художественного стиля необходимо соответствующим образом организовывать этот процесс. Н. В. Якимович определяет понимание текста как «интеллектуальное действие, посредством которого достигается адекватное отражение в сознании читающего смыслов отдельных понятий и системы их смысловых взаимосвязей, содержащихся в текстовом сообщении («адекватное» отражение означает здесь – соответствующее замыслу автора текста) [Якимович 1996: 5]. Современные исследователи отмечают, что «чтению классики нужно специально учиться, упражняясь, в том числе и в самоконтроле при чтении, прилагая личностные усилия, поскольку первичным присущим человеку способом восприятия письменного текста, удовлетворяющим потребности быстро схватить информацию, подходящим также и для чтения художественной массовой литературы, является “скакивание глаз”. В связи с этим обучение чтению классических текстов и само чтение становятся делом весьма “затратным”, что в эпоху скоростей и немислимых объемов перерабатываемой информации воспринимается скорее как излишество, а не необходимость» [Обласова, Логинова 2020: 254].

Для того чтобы сформировать умение адекватного понимания текстов художественного стиля, важно научить выявлению смыслов особого типа, подтекстовой информации. Для выявления подтекстовой информации при анализе текстов художественного стиля важно, во-первых, выявить те смыслы, которыми автор стремился нагрузить текст; во-вторых, провести анализ событий, в контексте которых произведение создавалось; в-третьих, выявить актуальные культурные смыслы, транслируемые данным произведением. Фоновые знания о культуре становятся сегодня базовыми, ключевыми, доминантными, определяющими те смыслы, которые будут «вычерпаны» из текстов. В современной психолингвистике (В. В. Красных, Е. А. Земская и др.) в качестве базового условия понимания названо «наличие общего фонда знаний коммуникантов» [Обласова, Логинова 2020: 249].

Для разработки когнитивных методик осмысления художественных произведений важно опираться на типологию понимания текста. Например, по типологии Г. Ю. Богина, в понимании художественных текстов задействованы все три типа понимания: семантизирующее, когнитивное и распремечивающее. Семантизирующее понимание связано с осмыслением значений слов и обуславливает «концентрацию на предельно малом фрагменте дискурса с небольшим количеством грамматических и интонационных связей» [Богин 1986: 40]. Вне понимания оказываются культурные смыслы текста, индивидуальность

автора и т. д. То есть данный уровень понимания можно условно соотносить с усвоением содержательно-фактуальной информации [Гальперин 2007]. Следующий тип или уровень понимания – когнитивный. Как отмечает Г. И. Богин, на этом уровне «субъект способен разделить содержание коммуникации и средства коммуницирования, обобщить усвоенную информацию, формировать понятия, ответить на вопрос: “Почему происходит?”; словарная информация начинает восприниматься как энциклопедическая» [Богин 1986: 45]. Условно можно соотносить данные умения с вычленением содержательно-концептуальной информации [Гальперин 2007]. Завершающим, высшим уровнем понимания Г. И. Богин называет распремечивающий уровень, на котором осуществляется «процесс восстановления ситуации мыследействования продуцента» [Богин 1986: 48]. На данном этапе реципиент умеет выявлять жизненные и ситуативные доминанты языковой личности, «установки, мотивы, находящие отражение в процессах порождения текстов и их содержания, а также особенности восприятия чужих текстов» [Богин 1986: 48].

Существуют исследования, демонстрирующие динамику развития названных видов понимания у современных школьников [Левушкина 2013]. Умения семантизирующего понимания последовательно развиваются от 5 до 7 класса и к старшим классам находятся примерно на том же уровне. Умения когнитивного понимания последовательно и поступательно развиваются на протяжении всего курса обучения в средней школе – от 5 до 11 класса. По нашим данным, именно этот вид понимания оказывается наиболее развитым у современных выпускников школ и на развитие именно этого вида понимания направлено основное количество заданий в школьном курсе русского языка и при подготовке к ГИА. Наиболее сложно развивается у школьников распремечивающий вид понимания. Он менее всего развит у обучающихся 5 классов и к 11 классу достигает уровня развития семантизирующего понимания [Левушкина 2013].

Наши исследования показывают, что одним из способов развития всех видов понимания художественного текста является овладение лингвокультурологическим анализом художественного текста [Левушкина 2014; 2017 и др.]. Лингвокультурологический анализ является базовым методом исследования такой науки, как лингвокультурология, направленной на изучение «человека как языковой личности, языка как воплощения культурных ценностей, культуры как наивысшего уровня языка и др.» [Воробьев 2008: 182]. Лингвокультурологическому анализу подвергаются «языковые единицы, содержащие культурную

информацию», его целью является «установление того, как “работают” механизмы, включающие культуру в значение языкового знака» [Маслова 2022: 5]. В. А. Маслова называет лингвокультурологический анализ текста «одним из ведущих способов познания культуры», отмечает, что именно этот вид анализа текста реализует «поиски и объяснение того, как культура внедряется в текст и меняет его смыслы» [Маслова 2022: 12].

Рассмотрим возможности лингвокультурологического анализа текста на примере работы со стихотворением А. С. Пушкина «Анчар». Данное стихотворение считают одним из самых глубоких и неоднозначных произведений в русской литературе. Образ Анчара – дерева яда – один из самых загадочных в творчестве А. С. Пушкина. Например, Дмитрий Мережковский, пытаясь объяснить смысл этого образа, приводит факты, которые хотя бы частично проливают свет на то, какой смысл мог быть заложен автором в этот художественный образ. Д. Мережковский пересказывает историю, изложенную в книге современницы А. С. Пушкина Смирновой, в которой связывает его с часовыми, приставленными в Эрмитаже к «Распятию» Брюллова. «Не могу вам выразить, – сказал Пушкин Смирновой, – какое впечатление произвел на меня этот часовой; я подумал о римских солдатах, которые охраняли гроб и препятствовали верным ученикам приближаться к нему». Д. Мережковский замечает: «По поводу этих часовых, которые не давали ему покоя, поэт написал одно из лучших своих стихотворений:

К чему, скажите мне, хранительная стража,
Или распятие – казенная поклажа...

Символ божественной любви, превращенный в казенную поклажу, часовые, приставленные Бенкендорфом к распятию, конечно, это – с точки зрения эстетического и религиозного чувства – великое уродство. Но не на нем ли основано все многовековое строение культуры? Вот что осознает Пушкин не менее, чем Л. Толстой, хотя возмущение его более сдержанное...

Природа – древо жизни; культура – древо смерти, Анчар» [Мережковский 1990: 123].

В учебнике литературы для 9 класса предпринят литературоведческий анализ произведения, способствующий его фактуальному и когнитивному пониманию [Коровина и др. 2023]. Интерпретацию смыслов данного стихотворения в школьной программе традиционно связывают прежде всего с «суровым обвинением деспотизма». Понимание данного произведения обусловлено, во-первых, контекстом биографических событий автора, во-вторых, социальными изменениями в обществе того

времени, в-третьих, взглядами автора на самодержавную тиранию. «Если в 1826–1827 годах поэт надеялся на то, что Николаю I можно внушить гуманные идеи, в частности проявить милость к декабристам, то в 1828 году он сомневается в своих надеждах и отходит от иллюзий. По мнению Пушкина, режим царя становится деспотическим. Стихотворение обратило на себя внимание правительственных кругов, и Бенкендорф в 1832 году потребовал от Пушкина разъяснений» [Коровина и др. 2023: 180–182]. Анализ опорных слов, ключевых образов данного произведения позволяет авторам учебника сделать вывод: «Поэт в небольшом лирическом стихотворении раскрыл суть отношений между людьми. Общество осуждено им, потому что в нем правят антигуманные законы, потому что социальные отношения превращают одного человека во владыку, действующего сознательно во вред такому же человеку, а другого – в послушного раба. В обоих все человеческое искажено. Осуждение античеловечности выступило в стихотворении в совершенной художественной форме» [Коровина и др. 2023: 180–182].

Отметим, что лингвокультурологический анализ будет сочетаться со структурно-содержательным анализом произведения, анализом ключевых слов как концептов, лингвостилистическим анализом образительно-выразительных средств языка и др.

Прежде всего, обнаруживает себя прием контраста, положенный автором в основу данного произведения. В первой части стихотворения образ Анчара – древа смерти – противопоставлен природе, жаждущей жизни, обладающей потенциалом живой системы. Во второй части противопоставлены владыка и раб. Анчар умерщвляет своим ядом природу (во второй части), во второй части Князь становится обладателем яда Анчара и становится воплощенным злом для общества. Яд является сквозным образом. В первой части стихотворения его источает Анчар (в противовес Древу жизни, которое источает живительный нектар) и убивает этим ядом все живое вокруг. Во второй части стихотворения яд становится инструментом превращения человека и человека («Но человека человек послал к Анчару властным взглядом...») – одного во владыку (того, кто стал обладателем этого яда), другого – в раба (того, кто принес этот яд). Человек, владыка, владелец этого яда – становится убийцей всего вокруг. Яд становится воплощением сквозного мотива смерти в этом стихотворении.

Основные образы стихотворения также противоречивы, построены на приеме контраста. Исходно каждый из них положителен в характеристике: Анчар как дерево, изначально дающее жизнь, служащее основой жизни, мироздания; яд как еда; царь как символ благополучия своего народа. Но сквозной мотив смерти превращает дерево в символ

смерти, еды (того, что дает жизнь) в яд (в то, что жизнь отнимает), царя-благодетеля – в злодея [Левушкина 2017].

Таким образом, предпринятые виды анализа лишь обострили, обнажили загадочность данного стихотворения: что стало причиной превращения древа жизни в древо смерти, еды – в яд, отраву, благодетеля – во врага и убийцу?

Предметом лингвокультурологического анализа в данном стихотворении – и, возможно, ключом к его разгадке – является его интертекстуальность.

Думается, что ключевым словосочетанием для раскодирования глубинных культурных смыслов данного произведения является «день гнева», в который его породила природа. Природа, высшие силы – вне эмоций, они бесстрастны. Эмоции – это человеческая прерогатива: человек страстен, пристрастен и поэтому грешен. Что же могло случиться, чтобы вызвать самую мощную негативную эмоцию – гнев – у бесстрастной природы? Какой человеческий источник (фиксатор базовых культурных смыслов) поможет ответить на этот вопрос? Конечно, Библия. Ветхий завет начинается описанием первородного греха человека. Косвенной причиной его стало Древо познания (древо! – живое). Событие, когда человек усомнился в Боге, посчитал себя возможным обладателем запретного плода с Древа познания. «День гнева» стал поворотным в жизни человечества: это день, когда Господь Бог проклял землю, а человека «выслал... из сада Едемского, чтобы возделывать землю, из которой он взят» [Быт. 3: 23]. Именно в этот день Господь Бог сделал человека смертным! Это день появления человека смертного! Эсхатологическая причина появления мотива смерти как сквозного в человеческой жизни – его грешность, его бунтарство, его неспособность к смирению, его духовное несовершенство. Модель духовной жизни человека с Богом описывает известный русский философ В. Н. Лосский: «Дух должен находить себе пищу в Боге, жить Богом; душа должна питаться духом; тело должно жить душою – таково первоначальное устройство бессмертной природы человека» [Цит. по: Степанов 2004]. В. Н. Лосский отвечает на вопрос о том, почему первородный грех сделал человека смертным, почему человек, усомнившийся в Боге, обречен стать смертным: «Отвратившись от Бога, дух, вместо того чтобы давать пищу душе, начинает жить за счет души, питаясь ее сущностью (то, что мы называем «духовными ценностями»); душа, в свою очередь, начинает жить жизнью тела, это – происхождение страстей; и, наконец, тело, вынужденное искать себе пищу вовне, в бездушной материи, находит в итоге смерть» [Цит. по: Степанов 2004].

Таким образом, можно сказать, что стихотворение «Анчар» – метафора жизни человека без Бога: сначала смерти духовной, а затем и физической. «Анчар» можно назвать продолжением, доведением до логического конца идеи грешности и смертности человека. Можно сказать, что стихотворение «Анчар» содержит религиозную опору, которая является основой для понимания данного произведения православным русским человеком своего времени. Это общепонятные смыслы, которые, к сожалению, практически не считаются современным человеком, для которого (увы!) знание Библии не обязательно, религиозная основа для понимания русского классического текста, пропитанного православными смыслами, практически отсутствует. Это обуславливает не просто дистанцию, а пропасть, которая чаще всего существует между современным невоцерковленным человеком и пониманием русской классической литературы. Как отмечает русский философ И. А. Ильин, «русская классическая традиция есть традиция христианская, все лучшие образцы, культурные вершины связаны с нею» [Цит. по: Теория традиции 2009]. В стихотворении А. С. Пушкина «Анчар» эсхатологический библейский миф сплетен с реалиями жизни поэта, это осмысление происходящего человеком, сознание которого проникнуто общечеловеческими христианскими ценностями. «Русская классическая литература, являясь светской по своим целям и характеру, стала классической вследствие глубинной и органической связи с церковно-книжной традицией, сложившейся на почве православной духовности» [Теория традиции 2009].

Таким образом, на вопрос о ключах от смыслов русского классического текста можно ответить фразой К. Бальмонта, чья картина мира также сформирована православной традицией:

Солнце встало, с ним – лучи,
Держит Бог в руках ключи,
Бог ключи роняет вниз,
Только Солнцу помолись ...
(К. Бальмонт «Ключи»)

ЛИТЕРАТУРА

- Богин Г. И. Типология понимания текста: учебное пособие. М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР, Калининский гос. ун-т. Калинин: КГУ, 1986. 86 с.
- Воробьев В. В. Лингвокультурология: Теория и методы. М.: Изд-во: РУДН, 2008. 336 с.

- Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: КомКнига, 2007. 144 с.
- Коровина В. Я., Журавлев В. П., Коровин В. И. Литература. 9 класс. Учебник. В 2 частях. М.: Просвещение, 2023. URL: <https://m.wtfgdz.xyz/grade/9/subject/literature/book/404/?p=182> (дата обращения: 29.07.2023).
- Левушкина О. Н. Диагностика уровня понимания учащимися художественных текстов при обучении русскому языку // Проблемы современного образования. 2013. № 1. С. 159–181. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diagnostika-urovnya-ponimaniya-uchaschimisya-hudozhestvennyh-tekstov-priobucheni-russkomu-yazyku> (дата обращения: 27.07.2023).
- Левушкина О. Н. Лингвокультурологические характеристики текста в школьном обучении русскому языку: теория и практика: диссертация ... доктора педагогических наук: 13.00.02. Москва: МПГУ, 2014. 543 с.
- Левушкина О. Н. Лингвокультурологический анализ стихотворения А. С. Пушкина «Анчар». Интегрированный урок литературы и русского языка. 10–11 классы. 2 часа // Литература в школе. 2017. № 5. С. 28–32.
- Левушкина О. Н. Лингвокультурологический анализ как основа ценностно ориентированного урока русского языка // Русский язык в школе. 2023. № 84 (3). С. 7–16.
- Маслова В. А., Бахтикиреева У. М. Лингвокультурологический анализ: учебник для вуза. М.: Юрайт, 2022. 245 с.
- Мережковский Д. С. Собрание сочинений. В 4 томах / Сост. и общ. ред. О. Н. Михайлова. М. Изд-во «Правда». 1990. Т. 1. 603 с. URL: https://imwerden.de/pdf/merezhkovsky_sobranie_sochineny_v_4_tomakh_tom1_1990__ocr.pdf (дата обращения: 29.07.2023).
- Обласова Т. В., Логинова Е. А. Почему подростки не любят читать классику? // Филологический класс. 2020. Том 25. № 2. С. 247–257. DOI 10.26170/FK20-02-22.
- Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2004. 989 с.
- Стилистический энциклопедический словарь русского языка / [Л. М. Алексеева и др.]; Под ред. М.Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2003. URL: <http://uchitelslovesnosti.ru/slovari/10.pdf> (дата обращения: 27.07.2023).
- Теория традиции: Христианство и русская словесность. Коллективная монография. Науч. ред, сост., предисл. Г. В. Мосалева. Ижевск. Изд-во «Удмуртский университет». 2009. 354 с.) URL: <http://russian-literature.com/pdf/izhevsk/teorija-tradicii-hristianstvo-i-russkaja-slovesnost-2009.pdf> (дата обращения: 27.07.2023).
- Чудинова В. П. Чтение детей и подростков в России на рубеже веков: смена «модели чтения» // Чудинова В. П., Голубева Е. И., Сметанникова Н. Н. Недетские проблемы детского чтения: Детское чтение в зеркале «библиотечной» социологии. М. 2004. URL: https://www.ekimovka-x.ru/files/sociolog/chudinova_nedetskiye_problem.pdf (дата обращения: 29.07.2023).
- Якимович Н. В. Процесс понимания текста и диагностика его развития. Автореф. дис. канд. психол. наук. М.: РАН, 1996. 22 с.

REFERENCES

- Bogin G. I. Tipologiya ponimaniya teksta: uchebnoe posobie. M-vo vyssh. i sred. spets. obrazovaniya RSFSR, Kalininskii gos. un-t. Kalinin, KGU, 1986, 86 p.
- Vorob'ev V. V. Lingvokul'turologiya: Teoriya i metody. Moscow, RUDN Publ., 2008, 336 p.
- Gal'perin I. R. Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya. Moscow, KoMKniga, 2007, 144 p.
- Korovina V. YA., Zhuravlev V. P., Korovin V. I. Literatura. 9 klass. Uchebnik. V 2 chastyakh. Moscow, Prosveshchenie Publ., 2023. URL: <https://m.wtfgdz.xyz/grade/9/subject/literature/book/404/?p=182> (accessed: 29.07.2023).
- Levushkina O. N. Diagnostika urovnya ponimaniya uchashchimisya khudozhestvennykh tekstov pri obuchenii russkomu yazyku // Problemy sovremennogo obrazovaniya. 2013, no. 1, p. 159–181. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diagnostika-urovnya-ponimaniya-uchashchimisya-hudozhestvennykh-tekstov-pri-obuchenii-russkomu-yazyku> (accessed: 27.07.2023).
- Levushkina O. N. Lingvokul'turologicheskie kharakteristiki teksta v shkol'nom obuchenii russkomu yazyku: teoriya i praktika: Dr. ped. sci. diss., 13.00.02. Moscow, MPGU, 2014, 543 p.
- Levushkina O. N. Lingvokul'turologicheskii analiz stikhotvoreniya A. S. Pushkina "Anchor". Integrirovannyi urok literatury i russkogo yazyka. 10–11 klassy. 2 chasa // Literatura v shkole, 2017, no. 5, pp. 28–32.
- Levushkina O. N. Lingvokul'turologicheskii analiz kak osnova tsennostno orientirovannogo uroka russkogo yazyka // Russkii yazyk v shkole, 2023, no. 84 (3), pp. 7–16.
- Maslova V. A., Bakhtikireeva U. M. Lingvokul'turologicheskii analiz: uchebnik dlya vuza. Moscow, Yurait Publ., 2022, 245 p.
- Merezhkovskii D. S. Sobranie sochinenii. V 4 tomakh / Sost. i obshch. red. O. N. Mikhailova. Moscow, Pravda Publ., 1990, vol. 1, 603 p. URL: https://imwerden.de/pdf/merezhkovsky_sobranie_sochineny_v_4_tomakh__tom1_1990__ocr.pdf (accessed: 29.07.2023).
- Oblasova T. V., Loginova E. A. Pochemu podrostki ne lyubyat chitat' klassiku? // Filologicheskii klass, 2020, vol. 25, no. 2, pp. 247–257. DOI 10.26170/FK20-02-22.
- Stepanov YU. S. Konstanty: slovar' russkoi kul'tury. Moscow, Akademicheskii proekt, 2004, 989 p.
- Stilisticheskii ehntsiklopedicheskii slovar' russkogo yazyka / [L.M. Alekseeva i dr.]; Pod red. M.N. Kozhinoi. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2003. URL: <http://uchitel-slovesnosti.ru/slovari/10.pdf> (accessed: 27.07.2023).
- Teoriya traditsii: Khristianstvo i russkaya slovesnost'. Kollektivnaya monografiya. Nauch. red, sost., predisl. G. V. Mosaleva. Izhevsk, Udmurtskii universitet Publ., 2009, 354 p.) URL: <http://russian-literature.com/pdf/izhevsk/teoriya-tradicii-hristianstvo-i-russkaja-slovesnost-2009.pdf> (accessed: 27.07.2023).

- Chudinova V. P. Chtenie detei i podrostkov v Rossii na rubezhe vekov: smena "modeli chteniYA" // Chudinova V. P., Golubeva E. I., Smetannikova N. N. Nedetskie problemy detskogo chteniya: Detskoe chtenie v zerkale "bibliotechnoi" sotsiologii. Moscow, 2004. URL: https://www.ekimovka-x.ru/files/sociolog/chudinova_nedetskiye_problem.pdf (accessed: 29.07.2023)
- Yakimovich N. V. Protsess ponimaniya teksta i diagnostika ego razvitiya. Cand. philol. sci. diss. Moscow, RAN, 1996, 22 p.

РУССКИЙ ЯЗЫК

МЕТОДИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ДЕТСКИХ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ И ФОРМООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ИННОВАЦИЙ В ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА*

ПОЗЕРТ ИРИНА НИКОЛАЕВНА

КАНДИДАТ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ДОЦЕНТ КАФЕДРЫ РУССКОГО ЯЗЫКА МОСКОВСКОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА (МОСКВА, РОССИЯ)
IPOZERT@GMAIL.COM

АННОТАЦИЯ: статья посвящена разработке конкретных заданий, тренирующих навыки морфемного, словообразовательного, лексико-семантического и стилистического анализа у школьников и студентов на новом и важном материале детской речи. Оригинальность материала упражнений соответствует актуальной черте современной русистики – антропоцентризму, становлению языковой личности. Задания и упражнения способствуют развитию лингвистического кругозора и аналитического мышления старшеклассников и студентов, знакомят их с механизмами языка и речи при вхождении человека в стихию родного языка. Семь практикоориентированных заданий на материале детской речи призваны сформировать следующие навыки: истолкование слов взрослого (нормативного) языка с позиции детского восприятия; подбор производящей основы, выделение словообразовательного форманта; разбор слова по составу; словообразовательный анализ; восстановление словообразовательной цепочки детских феминитивов; анализ глагольных словообразовательных и формообразовательных инноваций; стилистический анализ тропов, фигур речи и фразеологизмов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: инновация, детская речь, словообразование, феминитивы, детская этимология, стилистические приемы, взрослый (нормативный) язык.

* Отдельные суждения и выводы автора статьи не во всем совпадают с мнением редколлегии и рецензентов.

RUSSIAN LANGUAGE

METHODOLOGICAL POTENTIAL OF CHILDREN'S WORD-FORMATION AND FORMATIVE INNOVATIONS IN TEACHING RUSSIAN

POZERT IRINA NIKOLAEVNA

PHD IN PHILOLOGY, ASSOCIATE PROFESSOR AT THE DEPARTMENT OF RUSSIAN LANGUAGE
AT THE MOSCOW STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY (MOSCOW, RUSSIA)
IPOZERT@GMAIL.COM

ABSTRACT: the article is devoted to the development of specific tasks that train the skills of morphemic, word-formation, lexico-semantic and stylistic analysis in schoolchildren and students on a new and important material of children's speech. The originality of the exercise material corresponds to an actual feature of modern Russian studies – anthropocentrism, the formation of a linguistic personality. Tasks and exercises contribute to the development of linguistic horizons and analytical thinking of high school students and students, introduce them to the mechanisms of language and speech when a person enters the element of his native language. Seven practice-oriented tasks based on the material of children's speech are designed to form the following skills: interpretation of words of an adult (normative) language from the perspective of children's perception; selection of the generating basis, selection of the word-forming formant; analysis of the word by composition; word-formation analysis; restoration of the word-formation chain of children's feminines; analysis of verbal word-formation and form-forming innovations; stylistic analysis of tropes, figures speech and phraseological units.

KEYWORDS: innovation, children's speech, word formation, feminines, children's etymology, stylistic techniques, adult (normative) language.

*Поистине ребенок есть
величайший умственный
труженик нашей планеты.
К. И. Чуковский*

Целью данной статьи является разработка практико-ориентированных заданий по лексикологии, морфемике, словообразованию и морфологии на основе необычного, но ценного для изучения умственных процессов человека и механизмов речи материала – словообразовательных и формообразовательных инноваций, имеющих большую практическую пользу для предотвращения ошибок в употреблении языка, а также прогнозирования развития речи учащихся и студентов.

Инновация – это, по мнению современных специалистов, языковая единица (слово/словоформа), которую ребенок сам сконструировал и которой нет в языке. Их анализ подтверждает, что все они образованы по реальным словообразовательным моделям взрослого (нормативного) языка и по существующим в нем грамматическим типам и формам, а поэтому могут использоваться в обучении в качестве нестандартного материала.

Предлагаемые здесь задания содержат записанные от современных детей инновации, а также примеры из многочисленных источников детской речи – словарей, дневников родителей, монографий и статей.

Задание №

Постарайтесь догадаться, как выглядели бы толкования слов в «Толковом словаре русского языка глазами детей». Продолжите истолкование слов нормативного языка с позиции детского восприятия по следующему образцу (примеры с 1 по 4).

1. Стрелять – выпускать стрелы.
2. Деревня – место, где много деревьев.
3. Осел – муж осы.
4. Лодырь – тот, кто делает лодки.
5. Город –
6. Судак –
7. Насупиться –
8. Заключение –
9. Баранка –
10. Агрессор –
11. Волнушка –
12. Курытник –

13. Начальная школа –
14. Пленум –
15. Светлица –

Задание №2

На примерах из детской речи потренируйтесь в подборе производящего слова, выделении форманта и определении способа словообразования.

1. Ласточки зимуют в Африке, а веснут где? (*Девочка; 4, 5*).
2. Говори дедушкоморозно! (в значении как Дед Мороз) (*Девочка; 4*).
3. Коты первые по умности (*Мальчик; 5*).
4. Сегодня какой-то безмультничный день (*Девочка; 4*).
5. Бабушка, смотри, какой дождепад! (*Девочка; 5, 2*).
6. Погода была предзима (об осени) (*Девочка; 4*).
7. Кабан с хрюком бегал по женскому пляжу (*Мальчик; 7, 2*).
8. Смотри: какой бесхвостник (тот, кто не имеет хвоста) (*Мальчик; 5, 7*).
9. Возьми отсюдашную книгу! (*Девочка; 5, 3*).
10. Мама, зачем ты меня обдушила (облила или опрыскала духами) (*Девочка; 5, 6*).
11. Это твоё шительство? (то, что сшила) (*Девочка; 4, 1*).
12. Это сок бананас (*Девочка; 3, 9*).
13. Он такой ворунишка (*Мальчик; 3, 6*).
14. Бабушка, чем это пахнет? Какой здесь пах? (*Девочка; 3, 6*).
15. Смотри, это же бабёзьяна (*Мальчик; 4*).

Следующее задание посвящено такому дискуссионному разряду слов в современном русском языке, как феминитивы – обозначения женщин. Во взрослом языке сегодня спорят о новых феминитивах: редакторка, режиссерка, блогерка, экспертка и др. Механизмам их рождения в детской речи и восстановлению словообразовательных цепочек отвечает задание № 3.

Задание №3

Вспомните, какие феминитивы вы употребляли в детстве. Восстановите словообразовательные цепочки по отношению к данным детским феминитивам и сделайте их морфемный анализ.

1. Рада – институтница или детсадовница? (*Мальчик; 4, 10*).
2. Я твоя помощашка (*Девочка; 4, 11*).
3. Я у тебя такая мечтунья (*Девочка; 5, 1*) Ср.: новые иронические образования во взрослом языке – ждун и ждунья, борцун и борцунья.
4. В автобус билетница зашла (*Мальчик; 5, 6*). Ср.: новое в современной речи – сеошница.
5. Ксюша сегодня разбойка (*Мальчик; 4, 7*).
6. Я солдатистка, а ты солдатист (*Девочка; 4, 6*). Ср.: во взрослой речи – мизантропистка.

7. Мама, ты какая-то ругачка (*Мальчик; 3, 9*).
8. Я сегодня певунка (*Девочка; 4, 3*).
9. Вон идет плывунчиха (*Мальчик; 5, 3*).

Известно, что в освоении новых слов ребенок не ограничивается интерпретацией их этимологии (см.: Задание № 1). Часто непонятную ему лексему он переделывает так, чтобы прояснить ее происхождение. Это явление называют детской этимологией, то есть ложной.

Задание №

Объясните в данных «переделках» слов причину детской этимологии.

1. Это не линейка, а длиннейка.
2. Сапоги не резиновые, а грязиновые.
3. Не гирлянда, а стеклянда.
4. Почему говорят близорукий? Надо – близозоркий или близоглазый!
5. Не рубанок, а строганок.
6. – На вот вазелин.
– Не вазелин, а мазелин.
7. Это не пустыня, а кустыня.
8. Не будильник, а звонильник.
9. Приходил не монтер, а ремонтер.
10. Когда я болею, у меня постельный лежим.
11. Это не термометр, а теплометр.
12. Мы ходим в зверопарк (вместо зоопарк).
13. Я очень боюсь этой больмашины.

Очень богат детский язык глаголами в сфере слово- и формообразования.

Задание №

Догадайтесь, каково значение глагола, созданного ребенком.

1. Когда мы с мамой были на море, нас волна так заволновала (*Мальчик; 4*).
2. Я сижу и отмухиваюсь (*Девочка; 5*).
3. Сова совукает (*Девочка; 4*).
4. Собака пасть разинула, а потом – зазинула (*Девочка; 4, 1*).
5. Тут враги как заавтоматят (*Мальчик; 4, 5*).
6. А Вова велосипед насосывает (*Мальчик; 4, 5*).
7. Я поломою (*Девочка; 4, 2*).
8. Я, мамочка, красавлюсь (*Девочка перед зеркалом; 4, 1*).
9. Мама сердится, но быстро удобряется (*Девочка; 5*).
10. Вот набулькаю полную бутылку и уйду (*Мальчик; 5, 11*).
11. Спасибо, я уже полный живот напирожила (*Девочка; 4, 3*).
12. Выньми мне занозу (*Девочка; 3, 5*).
13. Дай мне распакетить пакеты (*Девочка; 4, 6*).

14. Когда я скажу, ты должен разомреть! (*Девочка; 4, 1*).
15. Ты можешь от этого сумасойтись, тогда я увезу тебя в больницу (*Мальчик; 6, 3*).
16. Я сперва боялся трамвая, а потом вык, вык – и привык (*Мальчик; 4, 3*).

Задание №6

«Перевод с русского на русский»

«Переведите» детские инновации и выражения на взрослый (нормативный) язык, предварительно определив их значение из контекста.

1. Мы с папой идем в хлебочную за хлебом! (*Девочка; 3*).
2. Младшего ребенка всегда жалче остальных (*Мальчик; 4, 5*).
3. Церквинка! Смотри, церквинка! (*Мальчик; 6, 7*).
4. Аня в детстве была кудряшее некуда! Как Пушкин! (*Мальчик; 5, 2*).
5. Черестуда не пройдет! (*Девочка; 3*).
6. Смотри: утка с бантиком! (*Мальчик; 5, 1*).
7. Эту пьесу мне задали безызусть (*Девочка; 6*).
8. Мы пойдем в лес, будем там собирать чернику, пьянику и грибы (*Девочка; 4*).
9. Сегодня луна надкушенная (*Девочка; 4, 5*).
10. В самолете есть едовая (*Девочка; 4, 3*).
11. Папа к брильзику пошел (*Мальчик; 4, 5*).
12. А вот лошадь в тельняшке (*Мальчик; 4, 3*).

Собранный материал включает в себе возможность увидеть связь между освоением языка и творческой доминантой детской речи. Этой взаимосвязи посвящено следующее упражнение.

Задание №7

Найдите стилистические приемы (тропы и фигуры речи) и фразеологизмы в данных контекстах. Прокомментируйте примеры образности в детской речи: положительно-оценочные – отрицательно-оценочные («разоблачение» тропов и фразеологизмов взрослой речи); намеренные – ненамеренные, вынужденные, неосознанные и т. д.

1. У Аленки на руках одни мизинчики! (*Мальчик; 4, 8*).
2. – Как ты похудела, Надюша. Один нос остался.
– А разве, мама, у меня два носа было? (*Девочка; 4*).
3. Девочка с восхищением про свою тетю:
– Она очень красива, красива, как наша собака (*А. П. Чехов. Записные книжки*).
4. Ой, мама, какая прелестная гадость! (*Ср. с выражением С. И. Соболевского о «Гавриилиаде» А. С. Пушкина – «прелестная пакость»*).
5. Женя Гвоздев ищет этикетку от коробки:
– Где ее шубка? (*А. Н. Гвоздев. Дневник наблюдений*).
6. Лошадь забуксовала (*Мальчик; 3, 10*).

7. – У меня сегодня ужасно трещит голова!
– Почему же не слышно треска? (*Мальчик; 5, 3*).
8. – Это первобытные люди.
– А где второбытные, третьебытные... (*Девочка; 8, 1*).
9. Мороз дергонос. Дергает носы (*Девочка; 7, 2*).
10. Я чересчур люблю маму и бабу Веру и блины вот такие (*Мальчик; 4, 3*).
11. Мы там нацыплёнились, напетушились, накурились (*Девочка; 3, 6*).
12. – Я этому до смерти рад!
– Почему же ты не умираешь? (*Мальчик; 4, 6*).
13. У меня на правой ноге ладошка чешется (*Девочка; 3, 4*).

Таким образом, явления детской речи как аномальные по отношению к процессам русского литературного языка обладают большими методическими возможностями для демонстрации школьникам и студентам механизмов языка и речи. Ребенок, несмотря на минимальные знания и языковой опыт, встречая новое явление родного языка, талантливо «подводит» его под уже знакомый ему из взрослой речи словообразовательный тип, лексический или грамматический класс по закону аналогии фактически без педагогической помощи до школы. Так, наиболее распространенным способом словообразования в детском словостроительстве является суффиксальный, как и во взрослой (нормативной) речи. Например, в процессе языкового производства дети чаще всего придумывают имена существительные, а также прилагательные и глаголы, что соответствует соотношению этих частей речи в разговоре взрослых. Большинство детских словообразовательных инноваций согласуется с общей тенденцией языка к экономии речевых средств. Одни и те же инновации встречаются у разных детей на разных территориях распространения русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

- Гвоздев А. Н. Вопросы изучения детской речи. СПб.: Детство-Пресс, 2007.
- Гридина Т. А. Объяснительный словарь детских инноваций: монография и словарь. Уральский государственный педагогический университет. Екатеринбург, 2012. 202 с.
- Даниленко В. П. Типология детских неологизмов (на материале книги К. И. Чуковского «От двух до пяти»). Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2010. № 3 (11). С. 85.
- Жинкин Н. И. Язык-речь-творчество. М.: Просвещение, 1998.
- Харченко В. К. Словарь современного детского языка. Белгород: Издательство БелГУ, 2002.

- Цейтлин С. Н. Язык и ребенок: Лингвистика детской речи: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: ВЛАДОС, 2000.
- Цейтлин С. Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. М., 2009.
- Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. 427 с.
-

REFERENCES

- Danilenko V. P. Tipologiya detskikh neologizmov (na materiale knigi K. I. Chukovskogo "Ot dvukh do pyati"). Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta, 2010, no. 3 (11), p. 85.
- Gridina T. A. Ob'yasnitel'nyi slovar' detskikh innovatsii: monografiya i slovar'. Ural'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet. Ekaterinburg, 2012, 202 p.
- Gvozdev A. N. Voprosy izucheniya detskoj rechi. Saint Petersburg, Detstvo-Press, 2007.
- Kharchenko V. K. Slovar' sovremennogo detskogo yazyka. Belgorod, Izdatel'stvo BelGU, 2002.
- Shcherba L. V. Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'. Leningrad, Nauka Publ., 1974, 427 p.
- Tseitlin S. N. Yazyk i rebenok: Lingvistika detskoj rechi: Uchebnoe posobie dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedenii. Moscow, VLADOS Publ., 2000.
- Tseitlin S. N. Ocherki po slovoobrazovaniyu i formoobrazovaniyu v detskoj rechi. Moscow, 2009.
- Zhinkin N. I. Yazyk-rech'-tvorchestvo. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1998.

ИНТЕРВЬЮ

АЛЕКСАНДР И ЕЛЕНА МИХАЙЛОВЫ: «МЫ ДЕЛАЛИ СПЕКТАКЛЬ В СТОЛ...»

Артисты **АЛЕКСАНДР И ЕЛЕНА МИХАЙЛОВЫ** известны публике по кинематографическим и театральным работам, по музыкальным записям. Уже много лет они служат в московском Театре имени Евг. Вахтангова, дают концерты, делают чтецкие программы. Мы решили поговорить с ними о творческом пути и главном спектакле их жизни.

Вопросы задавала Ирина Мелентьева

Ирина: Кто ваш любимый зритель?

Елена: Мы любим зрителя, который подготовлен и понимает, о чем речь. Например, когда приводят целые школьные классы, чувствуется по разговорам перед началом, что их привели из другого мира. Мы из-за кулис все слышим и видим: кто-то жвачку жует, кто-то рядом со стулом бутылки с газировкой ставит... Спектакль начинается, и мы начинаем к ним пробиваться. К середине они уже вошли в тему, но до этого нам было трудно. А вот когда я слышу смех в тех местах, где он должен быть, то радуюсь — юмор-то понимают люди умные — значит, и зритель пришел умный. А сколько у Александра Исаевича юмора!

Александр: Не обязательно, чтобы зрители уже прочитали произведение: подготовленный душевно, то есть понимающий, что это не развлечение... Например, это проявляется, когда мы произносим текст, а они кивают.

Елена: Со школьниками в чем сложность: их нужно настроить не только на сопереживание, но и рассказать, что это за время было такое. Иначе контакт очень трудно установить. В «Матренином дворе» много моментов, уже ушедших из нашей жизни: и работа за «палочки трудодней», и то, что пенсию не платят колхозникам и так далее и тому подобное. Вот люди нашего поколения или несколько

помладше, но читавшие произведения про то время, приходят уже подготовленными.

Александр: Запомнился один спектакль, когда школьники в зале были чуть младше, чем обычно. Эти дети, вроде бы не понимающие, сидели на первом ряду, но сидели идеально, даже учителя удивлялись. Потом помреж спустился и говорит: «Дети под таким впечатлением!» То есть нам было тяжело, а они вышли и у них слезы...

Елена: Вспоминается особая атмосфера на спектаклях, возникавшая в конце 2020 года во время ковидных ограничений, когда мы играли при разрешенной четверти зала, для десяти человек, это были очень хорошие спектакли. Потому что пришли люди, которые продались сквозь свой страх, сквозь кучу внешних препятствий.

Александр: Они аплодировали за всех не пришедших.

Елена: Это был отобранный зритель, который дорвался до нашего спектакля. Не просто так: «Что там еще новенькое в театре Вахтангова? Ну, пойдем сходим».

Ирина: А это старенькое! Кстати, часто можно услышать, что Солженицын депрессивен.

Елена: Я не слышала. Нам лично никто так не говорил.

Александр: Но для многих, особенно для тех, кто не читал рассказ, Солженицын начинает открываться через наш спектакль.

Ирина: Как вы пришли к «Матренину двору»?

Елена: Я вчера как раз вспоминала об этом... Была весна 1997 года... Саша поехал получать тираж наших кассет «Пойте, детки, Господу». И там, где он их получал, увидел кассету с записью чтения Александром Исаевичем «Матренина двора». Он купил, пришел домой, без меня послушал и говорит: «Садись, я хочу, чтоб ты послушала. Из этого может получиться спектакль».

Александр: Мы же вообще ушли из театра в 1987-м году. В то время только-только началась перестройка, но уже чувствовались новые тенденции, которые пришли в театр, в нашу культуру. Стало очевидно, что мы как актеры очень зависимы от драматургии, от режиссуры, да от всего! Актер – самый зависимый человек, а на него смотрят и на него все шишки валятся. Это одна из причин нашего ухода. Кстати, хотел сказать, что о нашей идее с «Матрениным двором» знал архимандрит Иоанн Крестьянкин. Мы к нему ездили. И когда уходили из театра, обратились за советом... Он, как правило, не благословлял уходить из профессии. А нас сразу из театра и не отпустили. Мы еще год там поработали, а потом на Казанскую икону Божьей Матери, 4 ноября ушли. Ушли в никуда. Но это было наше решение.

Ирина: А ничего, что в середине театрального сезона ушли?

Александр: Там было одно из промыслительных событий нашей жизни: мы съездили в монастырь... Помню, вернулись из монастыря, сезон начался... И на все, с чем в театре сталкивались, мы стали смотреть по-другому. У нас открылись глаза, поняли, что есть что-то, что мы не сможем переступить. И я почувствовал, что уже не актер. Ведь актер по-нашему должен делать все: и сказать любое слово, и любое действие совершить... А мне стало это очень трудно, невозможно.

Елена: И мы не смогли этим больше заниматься. И слава Тебе, Господи, что все так получилось!

Александр: А очень многие тогда считали, что мы в монастырь ушли.

Ирина: Вместе? Вдвоем?

Александр: Да-да, именно эта шутка! Только в какой? Или кто-то говорил, что мы уехали за границу... Чего только ни говорили! А мы никуда не уезжали. В храме пели. И первый храм, куда нас взяли петь, был Пимена Великого...

Ирина: На Новослободской?

Александр: Да. Я там пел партию тенора, а Лена вторым голосом. Нас там оставляли в хоре. И когда я рассказал одной знакомой монахини, что мы поем у Пимена, она воскликнула: «Пимен строгий! Если уж Пимен вас пропустил!..» Для меня это было очень значимо – преподобный Пимен пропустил!

Елена: Это было еще до Грѣбнево.

Александр: Потом мы уже попали в подмосковный храм Николая Чудотворца в Грѣбнево. Мы тогда только-только выучили нотную грамоту. В грѣбневский хор нас благословил отец Николай Ведерников. Туда мы ездили полтора-два года, то есть 1988–1989 годы, и познакомились с отцом Федором Соколовым и его семьей... В храме мы нашли своих. Как сказал отец Николай: «Вы там познакомитесь с людьми, которые не ищут, а уже нашли». В Грѣбнево была молодежная община, а в московских храмах в Советском Союзе общин таких еще не было. Все было подпольно. В московских же храмах мы общались с бабушками, со старшим поколением... В 1990-м отца Федора Соколова назначили настоятелем в Спасо-Преображенский храм, что в Тушино, и мы туда вместе с грѣбневским хором плавно перешли. Таким образом попали уже в Москву, где пели и восстанавливали храм.

Ирина: То есть на это время вы совсем оставили сценическое творчество?

Александр: Творчеством мы не прекращали заниматься: у нас появлялись новые песни, которые мы никогда раньше не слышали и их не

исполняли в советское время – ведь вместе с Советским Союзом рухнула и цензура на духовное. Мы постепенно учили эти песни дома, а исполняли во время праздников в храме, на трапезах. У нас даже образовался какой-то небольшой репертуар. В результате вышла кассета «Слава Богу за всё!». С этим репертуаром мы очень успешно выступали в разных местах: и в воскресных школах, и в домах престарелых, и в тюрьмах... В какой-то момент отец Федор сказал: «Благословляю вас на творчество. На все, кроме анекдотов». Это запомнилось на всю жизнь. В 1990-е мы поставили мини-спектакли по рассказу Борису Шергина «Ваня Датский» и по сказке М. Е. Салтыкова-Щедрина «Пропала совесть» (этот спектакль мечтаем возобновить). В 1996-м году мы уже вышли на широкую аудиторию, выступали в Славянском фонде культуры, в Политехническом музее, в Центральном доме работников искусств, в Зеленограде, в Коломне и др.

Елена: Еще ездили в Вятку на гастроли, в Прагу съездили...

Александр: К 10-летию нашего ухода из театра, мы смогли выпустить три кассеты песен. Надо отдельно сказать, что это было по благословению Патриарха Алексия. Не просто мы сами захотели альбомы выпускать.

Елена: Святейший благословил нас записывать альбом. Мы ему спели, когда он освящал один из приделов нашего храма. После получения благословения, почувствовали, что у нас силы какие-то особые появились. Поняли, значит, правильно, что стали заниматься песнями.

Александр: А еще до этих событий мы поступили в Свято-Тихоновский Богословский институт и милостию Божией его закончили.

Ирина: Я слышала, что в 1990-е в Свято-Тихоновском были самые насыщенные и тяжелые учебные программы, очень много экзаменов и зачетов.

Александр: Мы поступили 1990-м году. Это было очень благотно, потому что у нас преподавало много священников: отец Валентин Асмус, отец Николай Соколов и иже с ними, включая самого ректора отца Владимира Воробьева. Это было потрясающе, конечно! И очень сложно. А для нас это было уже второе высшее образование – мы ведь Щукинское училище закончили. Когда в 1995-м получали дипломы ПСТБИ, Святейший Патриарх узнал меня и сказал, имея в виду нашу творческую деятельность: «Продолжайте, продолжайте».

Ирина: То есть Свято-Тихоновский в вашей судьбе важную роль сыграл?

Александр: Конечно! Это неофитское состояние, в котором я был до поступления в Богословский институт, ничего хорошего не приносило.

Ведь всех хотелось обратить ко Христу, потому что когда ты ощутил духовную радость и счастлив, то хочешь всех осчастливить. Как шутят сейчас: «Он стал православным, а все вокруг стали мучениками». Институт дал какое-то удивительное спокойствие и уверенность. Помню на занятиях по догматике, у нас очень многие спорили, что-то такое пытались доказать, а мне все, о чем рассказывал преподаватель, было близко и понятно. Ни одного момента не показалось странным или спорным. Я просто принимал и впитывал. Говорят о чем-то, а я так и чувствовал! А вот тут – я тоже так и думал! И позже, когда какие-то споры возникали, я уже четко различал: это теологумен, а это догмат, а это частное богословское мнение... И поэтому сомнений никаких у меня не было. И самое главное, не надо было никому ничего доказывать.

Елена: Мы поступили с Сашей на вечернее отделение, потому что работали... У Саши оно и было вечерним, а у меня на церковно-певческом занятии начинались уже в 10 утра. Поэтому и родители подключились, ведь я целый день была занята. С утра у меня были: гармония, фортепиано, сольфеджио, регентское дело, а вечером начинались занятия в институте. И на ведение хозяйства не оставалось ни сил, ни времени. Часто Саша один ходил на лекции: записывал на магнитофон, потом дословно расшифровывал. Такая напряженная жизнь длилась четыре года. Еще отдельно мы занимались вокалом.

Ирина: А в музыкальной школе вы в детстве учились?

Елена: В том то и дело, что нет!

Александр: У Лены все-таки были в детстве частные занятия...

Елена: Только фортепиано, а всего остального не было. В общем, в 35 лет я поступила в ПСТБИ, где была возможность этому научиться. Это очень сложно!

Александр: А я с 1986 года начал учиться музыке: три года занимался сольфеджио, и мне сказали, что я достиг уровня седьмого класса.

Ирина: Просто подвиг.

Елена: Но нам это было очень интересно. И потом ведь в ПСТБИ от храма, где я уже регентовала, нас направил отец Федор!

Александр: Да, времени на бытовую жизнь у нас совсем не было. Помню, когда мы сдавали выпускные экзамены, то питались только кофе и корейской морковью.

Ирина: Вы учились на разных специальностях – религиоведение и певческое дело, а какие-нибудь экзамены у вас совпадали?

Елена: У нас был только один общий экзамен – Священное Писание Нового Завета.

Ирина: Там, кажется, наизусть все надо знать?

Александр: Не наизусть, но близко к тексту.

Елена: У Саши были помимо этого еще экзамены и догматике. Догматика была двести с чем-то вопросов...

Александр: Нет, в догматике – триста, а в Новом Завете – двести с чем-то.

Елена: Не знаю, как вообще это все можно сдать! Думаю, что только по молитвам отца Иоанна Крестьянкина, с которым мы общались.

Ирина: А когда к театральным постановкам вернулись?

Александр: Когда родилась идея спектакля «Пропала совесть» по сказке Салтыкова-Щедрина. Не сами ставили, конечно, нам помогала профессор Щукинского училища Марьяна Рубеновна Тер-Захарова. Лена была хорошо с ней самой знакома, а я с ее дочкой учился. Мы сказали Марьяне Рубеновне, что хотим поставить спектакль. Она прочитала текст Салтыкова-Щедрина и говорит: «Приезжайте». И мы с ней за двенадцать репетиций сделали спектакль. Причем минималистичный: два стула и ширма. Мы его первый раз показали на Рождество в нашем приходе в воскресной школе. «Пропала совесть» имеет сейчас видеOVER-сию, ее даже недавно по «Спасу» показали и по каналу «Радость моя». А тогда, я помню, что спектакль на всех произвел сильное впечатление – отец Федор стремительно вышел на сцену и сказал: «Играйте его везде!» А как играть везде? Мы вообще никто и ничто, мы не в театре.

Ирина: А что же дальше?

Александр: И, представляете, что такое благословение! «Пропала совесть» мы играли достаточно много – например, в Праге для наших эмигрантов и русскоговорящих чехов. К нам там подходили и говорили, что, если бы такое им в России показывали, они бы не уехали. Это было очень приятно. А потом Марьяна Рубеновна умерла... Мы выступили с большим концертом в Доме актера, и в эту ночь она умерла. Получилось, что она нас вывела на широкую аудиторию, а следующие спектакли и ту же «Пропала совесть» доделывали уже с ее учеником – он сейчас профессор Щукинского училища – Владимиром Владимировичем Ивановым.

Елена: Хочу уточнить, что с Володей мы сделали телеверсию «Пропала совесть» 2005-м году, а изначально спектакль был поставлен Марьяной Рубеновной.

Александр: И это тоже было по благословению отца Федора Соколова! Иванов задумал аудиOVER-сию «Пропала совесть» сделать, а отец Федор, сказал, что этот спектакль надо именно видеть. И что интересно, мы сняли его за два дня! А за два дня снять 45-минутный спектакль очень непросто. Тут надо сказать очень важную вещь, что, когда

Марьяна Рубеновна уже была тяжело больна, мы приходили к ней репетировать «Ваню Датского» по Борису Шергину....

Елена: Мы поделились с ней идеей сделать «Матренин двор» Солженицына. Она сказала: «Это очень серьезная работа, к ней надо подойти». Поэтому-то и взяли сначала «Ваню Датского», где я играю маму Вани, чтобы почувствовать этот возраст, то есть разницу в возрасте.

Александр: В этих спектаклях мы играли все роли. Тут, конечно, и технический момент, потому что собрать какую-то группу очень сложно, фактически нереально. Мы ведь пробовали делать постановки и с детьми, и со взрослыми – и все разваливалось. Потому-то мы играли все роли сами и в «Пропала совесть», и в «Ване Датском». Там мы, как и позже в «Матренином дворе», и реплики героев, и авторский текст раскладывали на двоих. В «Ване Датском» мать теряет сына, но потом он возвращается домой в Архангельск с женой и детьми, которые у него в Дании родились. Жена Вани говорит: «Джон! Останемся тут! Здесь такие хорошие люди». Финал там такой чистый, светлый. Получилась серьезная работа – и смешная, и трагичная. Первый раз мы сыграли ее уже в день памяти отца Федора Соколова в 2000 году.

Ирина: А что с «Матрениным двором»?

Александр: Мы хорошо запомнили слова Марьяны Рубеновны о «Матренином дворе». И в 1999 году на похоронах Марьяны Рубеновны – это было в Щукинском училище – мы подошли к Владимиру Владимировичу Иванову и сказали, что у нас давно созрела идея постановки по рассказу Солженицына. Мы понимали, что Володя нам близок. Я его знал, еще когда был студентом Щукинского училища, где он поставил «Прощание с Матёрой» Валентина Распутина. В том спектакле был похожий ход с авторским текстом, который не убирали. И я это отметил. Мне самому нравится такая форма. Потому что иногда сыграть что-то труднее, так как надо глубоко это пережить, это все надо технически сделать. А здесь, когда ты, с одной стороны, погружен в эту тему, а с другой, вдруг спокойно говоришь от автора, эффект может быть сильнее.

Ирина: Это монтаж называется?

Елена: Нет, это не монтаж, а когда текст произведения просто раскладывается на двоих.

Александр: Это не монтаж, а такой особый прием: не пьеса, но вместе с тем и пьеса.

Елена: В «Матренином дворе» такой же принцип. Я и произношу слова Матрены, и в то же время говорю про нее как рассказчица: «Она надела телогрейку, накинула платок и ушла».

Александр: Новаторство в нашем спектакле, в том, что два человека рассказывают, то, что в источнике рассказывает один. Это придумал Иванов. Например, он сделал так, что Матрена после смерти не уходит со сцены. Ведь Игнатич должен бы остаться один и дорассказать эту историю сам. Но именно из-за того, что Матрена не уходит, получается интересная вещь – даже мистическая – не совсем понятно, она это или не она, или это рассказчик... а многие на это как-то совсем внимания не обращают.

Ирина: Очень удачно сделано, что Елена возвращается на сцену после гибели Матрены уже в виде Маши. Неузнаваемая совершенно в зеленом платке и огромных очках.

Александр: Кто-то даже говорил: «Ну, наконец, они третьего пригласили!»

Ирина: Значит, с тех пор, как вы подошли к Владимиру Иванову и стали репетировать «Матрену», у вас потекла спокойная театральная жизнь?

Елена: Нет, совсем не так. До этого еще далеко. В Вахтанговский же мы пришли с готовым спектаклем! Долго мы репетировали урывками, выискивали время, чтобы прийти к Иванову, какие-то отрывочки делали. Чуть ли не два года шел застойный период. Потому что мы работали не только в храме, но еще в одном заведении. И очень трудно было выбрать совместное с режиссером свободное время.

Александр: И вдруг нас увольняют! Вернее, сокращают две наших ставки до одной. А мы работали в Научном центре психического здоровья Российской Академии медицинских наук. Мы числились культоргам. Но на самом деле мы были катехизаторы. Слова «катехизатор» боялись все! Они считали, что это экстрасенс. Так мы культоргам там тринадцать с половиной лет и проработали.

Елена: Собственно говоря, мы выработали там стаж для пенсии. Единственное место оказалось, в котором мы работали 60 месяцев подряд.

Александр: И, главное, мы работали по той профессии, которую получили в Свято-Тихоновском.

Елена: А еще концерты устраивали. И фильмы показывали...

Ирина: То есть уже синтез всех ваших профессий был?

Александр: Да! Кстати, по поводу того, что Лена рассказывала о том, как себя ведут школьники. К «Матренину двору» у нас уже появился опыт того, что зрители могут встать, выйти, походить, что-то там поговорить... Мы уже особо не реагируем, потому что в Центре психического здоровья у нас разные зрители были... И хотя к нам пациентов в остром состоянии не выпускали, но тем не менее они были разные и непростые: у кого-то неусидчивость, у кого апатия, у кого-то жизненная трагедия...

Елена: Во всяком случае, мы работали в актовом зале: у нас была сцена, у нас были кулисы. Это такой был элитный центр психического здоровья.

Ирина: Слушайте, у вас были какие-то райские условия: своя площадка, вы могли делать, что считали нужным.

Елена: Да, а еще у нас были зрители, которых к нам приводили! Но факт в том, что, конечно, это съедало очень много времени. И когда вдруг нам сказали, что одну единицу ставки нужно делить на двоих, наш духовный отец благословил уходить вдвоем.

Александр: Помнишь, как он тебе сказал: «Этот лист мы перевернули»?

Елена: Да, перевернули. Так у нас оказалось свободное время. Это был конец 2005 года.

Александр: Да, а в 2006-м мы уже выпустили «Матрену».

Елена: Надо сказать, что Володя Иванов героически пустился с нами в это плавание, совершенно не престижное. В том смысле, что мы даже не знали, где будем играть.

Александр: Мы делали спектакль в стол! Нам потом в 2008-м, в год 90-летия Солженицына, когда мы стали играть «Матренин двор» уже в Вахтанговском театре, разные люди говорили: «Как вы так подгадали под юбилей?» А вот если б нас не уволили, я не знаю, как бы мы поставили «Матрену»! Потому что мы уже несколько лет ходили и читали что-то урывками. А тут после увольнения стали свободны, только в храме пели в субботу-воскресенье. И, например, с вечера Иванов нам говорит, что завтра у него есть свободное время – мы все бросаем и идем к нему. Поэтому и смогли сделать этот спектакль.

Ирина: У меня такой практический вопрос... А жили на что?

Елена: В храме мы получали немного, в Центре психического здоровья была небольшая зарплата, отпускные.

Ирина: А после увольнения?

Елена: Когда нас уволили, стали родители помогать. Потому что они поняли, что это серьезно. Родители очень расстраивались, что мы ушли из профессии. Поэтому, когда здесь замаячило что-то значительное, они все подключились. А потом, что вы думаете, когда мы спектакль поставили, мы на это могли жить?

Ирина: Подозреваю, что нет.

Елена: Я думаю, что увольнение – это был судьбоносный момент. Поэтому что мы бы никогда сами не ушли. В нас ведь жил менталитет советского человека: нужно, чтобы где-то лежала трудовая книжка, чтобы шел стаж... Помню, что после увольнения я рыдала-плакала,

даже чуть ли не на лавку легла в храме. Ко мне подошли: «Что? Что такое, Лена?» Я говорю: «Нас уволили из сумасшедшего дома!» «Так слава Богу!». И на самом деле это была милость Божия!

Ирина: Но какая у вас теперь устойчивость! Вы теперь спокойно воспринимаете любые зрительские реакции!

Елена: Да, мы это прошли. Помню, играли мы «Матренин двор» еще в Малом зале Вахтанговского театра, один зритель во время спектакля вдруг встает и говорит: «Я сейчас, в туалет и обратно!»

Александр: Вернее, он жестами показывает, мол, сейчас я, на минуточку. Потом он вернулся...

Ирина: Надо же какая интимность!

Александр: Да, он уже свыкся с нами, как с родными.

Елена: У нас появился этот опыт. Потому что там всякое было.

Ирина: Насмотрелись, думаю.

Александр: У нас там были и душещипательные истории. Пришла к нам как-то женщина (я об этом где-то уже рассказывал), сидит с совершенно стеклянными глазами...

Елена: А мы приготовили целый часовой концерт. Смотрим, никто больше не идет. И она видит, что больше нет никого: «Может, мне уйти?» Мы: «Нет-нет, у нас такой принцип – мы не отменяем выступление, сколько бы человек ни пришло».

Александр: И вот, значит, мы спели все, что подготовили... Помню, и у нас сильные эмоции возникли: и мы поплакали, и она поплакала... А в конце концерта – песня, которая была как камертон для нас, «Слава Богу за все»: «Слава Богу за все! Слава Богу за все! Слава Богу за скорбь и за радость!» Ее написала матушка Антония, в миру Анастасия Степановна Пёржикова. Она калека от рождения. Концерт закончился, женщина эта к нам подходит и говорит: «Спасибо вам! Вы меня из такого тяжелого состояния вытащили. Мой сын покончил жизнь самоубийством. Вы меня сейчас очень поддерживали». И она ушла, а я помню необыкновенное ощущение – у меня будто крылья выросли! Я почувствовал, что что-то произошло, что-то очень важное, помимо нас.

Елена: В Центре психического здоровья мы и беседы катехизаторские вели, как выпускники Свято-Тихоновского, и пели там, и рассказывали как актеры. А еще два раза в неделю пели службы. Поэтому, когда нас уволили, других таких найти не смогли. Помню, я подумала: «Нет, пусть кто-нибудь следующий. У нас теперь другая площадка!»

Александр: И таким образом, слава Богу, мы сделали «Матренин двор».

Елена: В 2006 году 12 апреля мы сыграли первый спектакль.

Ирина: А почему ваш выбор пал именно на «Матренин двор»?

Александр: Почему именно «Матренин двор»? Помимо того, что мы можем это сыграть вдвоем, что для нас немаловажно. Еще одна причина – юношеские воспоминания. У моей бабушки в Луховицах была абсолютно та же обстановка, которую описывает Александр Исаевич: тоже изба без перегородок, скрип половиц, часики... И бабушка моя тоже жила на одной картошке. Быт был удивительно похож! А у меня долгое время даже была ностальгия по деревенскому. В сени входишь – пахнет мочеными груздями, слышишь бабушкин голос: «Ой, Санька!». Микрокосмос «Матренина двора» универсален и распространяется на всю Россию. Жизненно это все, я это сам пережил.

А бабушка моя была без сантиментов, естественная такая. Мама ей говорит: «Вот Саша к Церкви пришел, в Бога уверовал». Бабушка: «Ну, хорошо. Будет кому по мне Псалтырь читать». А Псалтырь читать не пришлось, потому что умерла она на Пасху. На ее похоронах пели тропарь Пасхи «Христос воскрес из мертвых...». А кто-то из присутствующих не понимал, даже возмущался: «Что вы там поете!!!» А другие: «Правильно – Пасха сейчас!» Я, кстати, записал на магнитофон бабушкину речь. В какой-то момент Лене это помогло.

Елена: Это та же полоса, те же говор и напевность речи, что и у Матрены. Поэтому я с нее это взяла.

Александр: Да. Рязанская полоса.

Елена: В «Матренином дворе» нас за живое задел и судьба Игнатича, и судьба Матрены. И рассказ это особый, а не просто проходная вещь для выявления собственных талантов и для возвращения на сцену. Нет! Мы ведь не знали даже, где этот спектакль идти будет... Я считаю, что все сложилось по молитвам Александра Исаевича и Матрены Васильевны. Мы их каждый день стараемся помянуть.

Александр: Часто после спектакля люди подходят и говорят: «А у меня тетя, а у меня бабушка такая...». Кое-кто из ровесников, что приходили на спектакль, говорили, что сами еще детьми работали в колхозах за «палочки». Тогда я понял, что люди младше меня не смогут в полной мере почувствовать дух «Матренина двора». И мне бы не хотелось, чтобы это произведение... Ну как это назвать? Вот, режиссер берет пять Матрен...

Елена: Был у нас на спектакле один известный актер. Так вот он сказал, что надо вывести пять Матрен в разном возрасте: девочка, девушка и так до старушки. А другая благожелательная зрительница предлагала

кошку живую выпустить... А нам нужно ей ногу отрубить что ли, раз кошка была колченогой? Иванов на это отрезал: «Не слушайте никого!» Потому что каждый свое видит. Мы сначала все слушали: этот то сказал, тот другое... А Иванов: «Я вас очень прошу, давайте так, всем что-то нравится свое, все хотят поучаствовать, все хорошего хотят... Но это ведет только к разъединению режиссера с актерами. А я за спектакль отвечаю. Все только через меня».

Ирина: То есть отвечает за спектакль режиссер?

Александр: Конечно. Когда мы начинали делать пьесу из рассказа, мы для этого режиссера и позвали, чтобы в какой-то момент нам самим уйти на второй план. Владимир Владимирович делал всю сценическую версию, а мы ему полностью доверились. В моменты, когда мы не очень с ним соглашались, он говорил: «С этим надо переспать. Вы завтра придете, и все будет понятно». Действительно так и было! Мы сыграли уже больше двухсот пятидесяти спектаклей и с каждым разом... Вот недавно мы пришли немножко, как нам казалось, не готовыми, но настолько все выстроено, чтоходишь в эту ситуацию и хочешь ты или не хочешь, больной ты или не больной, с холодным носом или не с холодным носом, но все получается. Да, Ален? Мы входим в эту атмосферу, в эту трагедию, в эту победу, и зритель за нами входит. И, кстати, удивительно! Даже иногда кажется, что, когда ты будто бы не очень готов к спектаклю, но как только все начинается, солженицынские смыслы начинают звучать сильнее... Поэтому спектакль, на мой взгляд, получается теперь глубже, чем мы его делали изначально. Хотя вначале само театральное явление «Матренина двора» было новым, поэтому так и ходили смотреть... Прошло больше двухсот пятидесяти спектаклей, а он не то что не надоел, а наоборот, настолько нам в этой атмосфере комфортно, хочется жить в ней, хочется рассказывать эту историю еще много раз. А вторую часть спектакля мы вообще не играем. Это уже не игра, это что-то другое. Когда речь идет о настоящих людях, а не о выдуманных персонажах, это уже не игра.

Ирина: Чем для вас стал спектакль «Матренин двор»?

Елена: Если посмотреть с чисто бытовой, земной стороны, этот спектакль нам открыл вновь путь в профессиональный театр. Мы не собираем зрителей, не распространяем билеты – мы работаем в Московском академическом театре Вахтангова. Потом нам не надо самим ставить и разбирать декорации, гладить и штопать костюмы, не надо самим гримироваться, как на первых спектаклях было, когда мы не в театре его еще показывали. Всю эту огромную работу теперь делает обслуживающий персонал. Сейчас приходим: грим, реквизит,

костюмы – все постирано, поглажено, развешано... И мы занимаемся только своим делом актерским. Понимаете, как это здорово? К тому же на сцене Вахтанговского театра у нас каждый месяц есть еще один спектакль в «Арт-кафе» – «Мелодия на два голоса», где мы поем, читаем стихи, каждый раз что-то обновляем. В годовщину Александра Исаевича Саша читал его стихи, мы рассказывали про наш «Матренин двор». Был юбилей Высоцкого – мы рассказывали о Высоцком, выучили песни его незабываемые. К 100-летию Александра Галича подготовили его стихи и песни. То есть мы каждый раз стараемся в каждом спектакле «Мелодия на два голоса» обязательно что-то поменять. Если зима – зимнее, если весна – про весну. А осени сколько произведений посвящено!

Не было бы «Матренина двора», никто бы нас из руководства не увидел. Не узнали бы, что мы поющие. А вот увидели нас, услышали и предложили сделать творческий вечер. Мы очень ценим и очень рады этому. К тому же мы выезжаем с концертами туда, куда нас приглашают – будь то священники или светские организации. Именно с концертом, а не со спектаклем.

Конечно, все хотят видеть спектакль «Матренин двор»! Мы им говорим: «Это нереально – декорации нужны». «А вы без декораций!» А нельзя без декораций! Говорим: «Фонограмма нужна». «А вы без фонограммы!» Но так нельзя, потому что у нас целостный спектакль... А свет!

Ирина: Да у вас там партитура целая!

Елена: Когда мы выезжали в 2018 году на гастроли в Кисловодск, я посмотрела, сколько же сундуков берут, подписанных «Матренин двор»... А костюмы! Не на двух же стульях мы играем.

Александр: Когда наш спектакль с костюмами, декорациями, светом и звуком, то он, как говорят, стреляет! Владимир Иванов еще в самом начале работы над «Матрениным двором» заявил: «Здесь нужны художник, звук, свет».

Ирина: Декорации у вас вообще невероятные!

Александр: Это художник Максим Обрезков придумал все. Мы сами никогда так не смогли бы... Декорации живут вместе с Матренией, собираются, а потом разбираются! Там каждая вещь играет!

Ирина: А с каким звонким звуком падает каждая доска! Это ведь тоже работает.

Елена: Наверное, наши мамы вымолили, чтобы их дети вернулись на сцену! Наш уход из театра был для них большим ударом. Ведь поступить в Шуйкинское с таким трудом далось! А закончить? Поступить в московский театр... А потом вдруг раз и дети ушли из театра.

И куда! В какой-то храм петь в Московской области! Потом в Центр психического здоровья...

Александр: Нам кто-то однажды сказал: «Вы ж на трех конях – псих-больница, храм и театр!»

Елена: Где только мы не выступали! А потом все сконцентрировалось на театре. Пошла уже другая практика... То, что мы 20 лет были вне театра, оказалось не потерей, а обретением. Мы себя чувствуем нормально. Каждый раз перед спектаклем, конечно, есть волнение, но без этого вообще неинтересно. Если тебе совершенно все равно, так значит, ты уже не годишься для актерской профессии.

Ирина: В этом году исполняется 60 лет первой публикации «Матренина двора» и 105 лет со дня рождения Александра Исаевича Солженицына. Какие события вашей жизни связаны с этими датами? Какие у вас планы на будущее?

Елена: С самого начала работы над спектаклем мы мечтали посетить могилку Матрены Васильевны Захаровой – она прототип главной героини рассказа. Но все никак не получалось. А в этом году в связи с юбилеем Александра Исаевича и с юбилеем его друга, очень большого русского писателя, Бориса Можая Дом русского зарубежья устроил нам эту поездку. Нас позвали в село Пителино, место, где родился и вырос Борис Можая. Там мы спели концерт «Тихая моя родина», а потом отправились в поселок Мезиновский в воссозданную избу Матрены (там есть музей, школьники водят экскурсии). Затем пошли на кладбище поклониться Матрене Васильевне... Для нас, как для исполнителей и авторов идеи спектакля, это было очень важным.

Кстати, этом году у нас еще и значимые личные даты: исполняется 15 лет, что мы играем «Матренин двор» в Театре Вахтангова (скоро пройдет 270-й спектакль), и 40 лет нашему с Сашей знакомству.

Да, мы делали спектакль в стол, ни на что особо не надеясь... И теперь планы никакие мы не строим, а то, что неожиданно приходит в нашу жизнь, воспринимаем как подарок и чудо.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

У ПЕЩЕР, БОГОМ ЗДАНЫХ

Научно-богословское издание
№ 3 | 2023

Оригинал-макет подготовлен
издательством «Вольный Странник»

Главный редактор Л. И. Маршева
Ответственный редактор К. А. Цырельчук
Корректор Н. В. Морозова
Верстка Г. В. Бачерикова

Адрес редакции:
181500, Псковская область,
г. Печоры, ул. Юрьевская, д. 82А.
Подписано к печати 30.12.2023.
Формат 70х100/16.
Тираж 500 экз.

Учредитель:
Псково-Печерская духовная семинария

Издатель:
Псково-Печерская духовная семинария
Псковской Епархии Русской Православной Церкви